
S. Kraven
Разрушитель
Книга первая

Silas Kraven

Разрушитель. Книга 1

«Автор»
2026

Kraven S.

Разрушитель. Книга 1 / S. Kraven — «Автор», 2026

Я долго не мог начать эту книгу. Не потому что не знал, о чём она, — знал с первого дня. Я не понимал, зачем вам ещё одна история о герое и мире на краю гибели.Потом я потерял кое-что важное. И понял.Эта книга — не о привычном спасителе. Боги не склонялись над его колыбелью. Он обычный человек, которого накрыло горе, — и что-то внутри, глубже страха и разума, не смогло промолчать.Я писал эту историю долго. Переписывал и откладывал. Потому что она об очень неудобной вещи — о прощении. Не как о красивом жесте, а как о самом тяжёлом подвиге, на который способен человек. О том, почему оно кажется невозможным. И почему оно всё равно случается.Я не знаю, что вы ищете в этой книге. Но я знаю, что вложил в неё. Надеюсь, этого хватит.

© Kraven S., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прилив 5
Глава 2. Могильщики 15
Глава 3. Отголоски 23
Глава 4. Долг крови 28
Глава 5. За Стеной Тумана 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Silas Kraven
Разрушитель. Книга 1

Глава 1. Прилив

* * *

Кириан проснулся от запаха гари.

Он лежал с закрытыми глазами и считал. Этому его научил отец, когда он, ещё ребёнком, впервые проснулся от ночного кошмара и не мог понять, где сон, а где явь. Отец нашёл его на рассвете, забившегося в угол между кроватью и стеной, с мокрыми от слёз щеками.

— Когда не знаешь, что делать, — сказал тогда отец, опускаясь перед ним на колени, — считай. Раз — вдох. Два — выдох. Три — подумай, что ты чувствуешь. К тому времени, как досчитаешь до десяти, мир встанет на место.

Кириан тогда поверил. И теперь каждое утро начиналось с ритуала.

Раз — ветер с востока. Сквозняк пробирается сквозь щели в ставнях, касается лица. Ставни рассохлись ещё до его рождения, отец всё собирался починить их, но никогда не находил времени. «Завтра», — говорил он, и это «завтра» постоянно откладывалось. Восточный ветер в Асфрагосе приносит запах соли с далёкого моря, о котором Кириан читал в книгах, но никогда не видел. Отец говорил, море там, за Горным Кольцом, — такое же серое, как небо, и волны бьются о скалы, а брызги летят выше домов. Но сегодня соль смешивается с гарью. Если бы горел чей-то дом на Рыночной улице, ветер был бы северным. Если бы пожар случился в кузнечном квартале — западным.

Два — запах. Слабый, едкий, как палёная шерсть. Так пахнет, когда горит одержимый. Отец говорил: этот запах невозможно забыть — смесь горелой плоти, Тумана и чего-то ещё, чему нет названия. Чего-то, что не принадлежит этому миру. «Когда человек умирает в таком состоянии, — объяснял отец, — смрад остаётся надолго. Иногда недели. Иногда годы. Потому что это не запах».

Кириан помнил этот запах с детства. Однажды отца вызвали к Восточным Воротам — там сжигали одержимого, убившего троих стражников. Отец взял Кириана с собой.

— Ты должен знать, с чем мы боремся, — сказал он тогда. — Нельзя победить врага, которого не знаёшь.

Кириану было восемь. Он помнил чёрный дым над костром — жирный, маслянистый, он не рассеивался, а оседал на землю, как туман, оставаясь в воздухе на долгие часы после того, как пламя погасло. Помнил крик — нечеловеческий, двойной, кричали сразу двое: человек и дух внутри него. Один голос молил о пощаде, другой рычал, проклиная всё живое. Помнил запах, въевшийся в одежду, в волосы, в кожу. Дома отец выстирал рубашку трижды, но всё равно её пришлось выбросить — запах не выводился.

И теперь этот запах снова здесь.

Три — такой запах бывает, когда горит одержимый.

Кириан открыл глаза.

Потолок. Серый камень с тонкой трещиной, похожей на русло пересохшей реки. Он смотрел на эту трещину шестнадцать лет каждое утро. Ребёнком он представлял, что по ней плывут корабли. Что там, за этой трещиной, течёт невидимая река, соединяющая его комнату с морем. Он даже дал ей имя — Асфар, в честь реки, на которой стоял их город. Теперь он просто проверял, не разрослась ли трещина за ночь. Отец говорил, старые дома дышат — трещины то расширяются, то сужаются от влажности и времени года. Эта трещина не менялась много лет.

Часть его мира — неизменная, как восход солнца, как запах трав из лазарета, как голос отца, зовущий его вниз.

— Кириан! — Голос отца донёсся снизу, из лазарета. — Ты нужен мне.

Он сел, спустил ноги на холодный пол. Третья половица скрипнула — она всегда скрипела громче остальных, Кириан давно привык обходить её, но сегодня забыл. Пальцы нащупали привычные выбоины в камне. Он знал наизусть каждую. Здесь — трещина, куда он провалился пяткой в десять лет. Шрам на пятке остался до сих пор — тонкий, белый, как рыбья кость — напоминание о детстве, когда самая большая опасность была — споткнуться на лестнице.

Вот пятно от пролитой настойки, приготовленной для больной соседки. Он разлил её, когда она закричала от страха — не от боли. Ей было семьдесят, она умирала от лихорадки и видела во тьме лица умерших. Настойка выела камень, оставив тёмное, почти чёрное углубление, похожее на маленькую лужу. А тут — оставил борозды одержимый, которого отец лечил три года назад. Тот вырвался из ремней и, до того, как его усмирили, прочертил по камню глубокие линии, похожие на когтистые следы зверя. Отец потом сказал: — Это хороший знак. Он боролся. Значит, внутри ещё теплилась жизнь. Пока человек борется, он не потерян. Мы теряем их только тогда, когда они перестают сопротивляться.

— Кириан!

— Иду!

Он натянул белую целительскую рубаху с красной каймой на рукавах. Рубаха была влажная после вчерашней стирки, неприятно прилипала к лопаткам. Красная кайма — ученик. Отец носит с золотой — знак мастера. Когда-нибудь, думал Кириан, он тоже будет носить с золотой. Будет лечить людей, как отец. Заваривать травы в старом медном котелке, доставшемся от деда — с вмятиной на боку, потому что дед уронил его, спасаясь от прошлого Прилива. Просыпаться от запаха гари, считать до трёх и спускаться в лазарет, где пахнет сушёным мхом-кровником, настойками и болью. Рутина, которая казалась вечной. Неизменной. Как трещина на потолке.

Он сбежал по лестнице в лазарет. Ударил привычный запах — сушёные травы, старое дерево, и поверх всего — едва уловимая нота гари, просочившаяся с улицы сквозь неплотно прикрытую дверь. Лазарет занимал весь первый этаж их дома, и когда нужно — второй. Четыре койки — две вдоль левой стены, две вдоль правой, — стол с инструментами, полки с банками и травами. У дальней стены — шкаф с книгами, которые отец собирал всю жизнь: «Трактат о природе Искры», «Анатомия одержимости», «Серебряный лист и его свойства», «История Приливов от Империи Заката до наших дней». Кириан прочитал их все — некоторые дважды, а «Анатомию одержимости» — трижды, пытаясь понять природу Тумана, отец описывал его с такой уверенностью, будто знал его лично.

Отец стоял у дальней койки. Высокий, сутулый, с руками в вечном движении. Длинные пальцы с въевшейся в ногти зеленью от трав то поправляли повязку, то тянулись к инструменту, то проверяли пульс пациента. Сейчас эти руки держали за подбородок женщину, которую Кириан сразу узнал: госпожа Эйла, жена пекаря с Рыночной улицы. Она частенько заглядывала к ним по вечерам, приносила тёплый хлеб, от которого по всему лазарету разносился запах свежей выпечки, перебивающий травяные ароматы. Хвалила Кириана, что он стал учеником на десять лет раньше обычного. Она широко и искренне улыбалась — и Кириан всегда думал, что такие люди не болеют. Но сейчас она была бледной, как полотно, глаза — обычно весёлые, окружённые сеточкой смешливых морщинок — расширены от боли, и в них плескался страх, который она пыталась сдержать. На левой щеке расползалась чёрная язва. Края раны шевелились.

— Ожог Тумана, — сказал отец, не оборачиваясь. — Прилив начался.

Желудок Кириана скрутило. Прилив. Раз в сто лет, когда Чертог выбрасывает в мир столько Неупокоенных, что они прорываются даже через Горное Кольцо. Он читал о прошлом

Приливе в книгах. Тогда погибла четверть Асфрагоса. Длань Зари впервые применила Очищение — массовое сожжение одержимых, не разбирая, где кто. Тогда горели целые кварталы, и небо было три дня чёрным от дыма. Отец рассказывал, про деда, которого он не застал — погиб в тот год от огня. Спасал людей из горящего дома, и балка упала ему на спину, когда он выносил на руках ребёнка.

— Я думал, Прилив будет через месяц, — сказал Кириан, и собственный голос показался ему чужим — высоким, почти детским.

— Думал он. — Отец наконец повернулся. Сорока шести лет, выглядит на шестьдесят — седой, глубокие морщины вокруг глаз. Цена целительства. Каждая исцелённая рана забирает у целителя немного жизни. Отец исцелял десятки лет. Иногда, глядя на отца, Кириан пытался представить его молодым — как на старом портрете. Там, на пожелтевшей бумаге, был человек с тёмными волосами и улыбкой, которую Кириан больше никогда не видел. Время стёрло её, оставив только усталость и глубокие складки. — Длань Зари объявила, что в этом году Прилива не будет. Чтобы не сеять панику.

— Они соврали?

— Они защищали нас от паники. — Отец произнёс это без иронии. — Подай чистый бинт и настойку номер четыре.

Кириан двинулся к полкам. Руки сами находили нужное за годы практики. Настойка номер четыре: экстракт серебряного листа, разведённый в источнике Искры. Серебряный лист растёт только в горах, на высоте, где трудно дышать, а небо фиолетовое. Отец в молодости ходил за ним сам — поднимался в горы с проводниками-Могильщиками и проводил несколько дней, собирая драгоценные листья. Там, на высоте, он находил их среди снегов, в расщелинах, где не ступала нога человека. Теперь он уже не был готов для таких походов. Листья привозят торговцы — и цена на них выросла втрое за последние годы.

— Ей повезло, — сказал отец, обрабатывая рану. Женщина стонала, вцепившись в края койки. — Ожог свежий, меньше часа. Туман не успел пустить корни. Через пару дней будет как новенькая.

«Как новенькая» — Кириан знал, что это значит. Шрам останется. Шрамы от Тумана не исчезают полностью, даже когда Искра выжигает заразу. Отец говорил, что шрамы — это память тела, они напоминают нам о том, что мы выжили. Но теперь Кириан думал, что они напоминают о том, что мы не смогли предотвратить.

Снаружи, на Рыночной улице, кто-то закричал от страха. Потом ещё один голос. И ещё. Крики нарастали, как волны во время шторма. Сквозь них долетал далёкий звон колоколов Собора. Звонили не к службе. Тяжёлые, медленные удары, от которых дрожали стёкла в окнах. Кириан слышал этот звон только дважды в жизни — когда началось землетрясение, и в день, когда армия Скованных подошла к Восточным Воротам. И оба раза тревога оказывалась ложной.

Кириан подошёл к окну. По мостовой бежали люди. Лавочник забыл закрыть дверь своей лавки — ветер раскачивал вывеску с нарисованным сапогом, она скрипела ржавыми петлями и хлопала. Мальчишка-разносчик выронил корзину с хлебом прямо в грязь, буханки, подпрыгивая, катились по булыжникам. Старуха стояла на коленях посреди улицы и молилась, прижимая к груди медальон с золотым солнцем — символ Длани, к которому она, видимо, никогда не обращалась раньше. В конце улицы, у фонтана, стоял инквизитор Длани Зари — в белом плаще с золотым солнцем на груди, — и что-то кричал, размахивая жезлом. Жезл издавал низкий, вибрирующий звук, от которого у Кириана зазудели зубы, хотя инквизитор стоял в сотне шагов.

А над крышами Асфрагоса, далеко на востоке, за Горным Кольцом, небо менялось, становясь цветом старой кожи. Небо, которое он видел каждое утро — голубое, с редкими обла-

ками, — теперь тускнело, кто-то вымывал из него краски, оставляя только серый фон. И в этом серебре двигались тени — неясные, размытые, похожие на дым.

— Отец, — сказал он. — Небо...

Дверь лазарета распахнулась. На пороге возник соседский мальчишка, Тобин. Десять лет — на шесть младше Кириана. Он обычно улыбался — широко, с потерянным передним зубом. Сейчас лицо Тобина было белое, как мел, огромные глаза, а в них — страх.

— Мастер Алдарон, — выдохнул он, переводя взгляд на Кириана — Там... на площади... человека принесли. Говорят, одержимый. Говорят, он уже мёртвый, но двигается.

Отец выпрямился. Руки его наконец замерли. Он смотрел на Тобина, и в его взгляде было что-то, чего Кириан не мог прочитать.

— Кириан, — сказал он спокойным скучным голосом, как и всегда в моменты опасности. — Оставайся здесь и запри дверь. Если госпоже Эйле станет хуже — настойка номер семь, по капле в час.

— Нет, я пойду с тобой.

— Ты останешься здесь. То, что ты стал учеником на десять лет раньше всех, ничего не меняет.

— Но я твой ученик! Я нужен тебе!

Отец посмотрел на него. серыми глазами Кириана, только выцветшими от времени и магии. Он о чем-то думал, но не говорил.

— Возьми сумку, — наконец сказал он. — И от меня ни на шаг.

* * *

Площадь перед фонтаном заполнилась людьми. Они стояли плотным, молчаливым кругом, в центре которого что-то происходило. Пространство сжалось: огромная площадь вдруг стала меньше.

Когда они с отцом подошли ближе, люди начали расступаться. Белые рубахи целителей заставляли отшатываться, словно сама близость к ним могла заразить. Кириан слышал обрывки разговоров, пробивающиеся сквозь общий гул — «...сам Алдарон...», «...если он не поможет, никто не поможет...», «...смотри, он опять шевелится...».

В центре круга сидел человек. Мужчина в разорванной одежде, босой, с кровью на лице. Руки его висели плетьми, глаза широко открыты. В них не было ничего — ни зрачков, ни белков. Только серая муть, как в окнах заброшенного дома. От него пахло гарью и чем-то сладковатым — так пахнет гниющая плоть, присыпанная благовониями.

Инквизитор в белом плаще выставил перед собой жезл, увенчанный кристаллом Искры. Такие жезлы ковались в кузницах Длани, глубоко под Собором, в пещерах, куда не проникал солнечный свет. Каждый кристалл огранён вручную монахами, не видевшими света, но чувствовавшими Искру.

— Не приближаться! — рявкнул инквизитор. — Он уже мёртв. Туман держит его тело. Я должен провести Очищение.

— Подождите! — крикнул отец, идя через толпу. Люди расступались перед ним, как вода перед камнем.

Инквизитор обернулся, и Кириан узнал его — Феон, помощник Каллиста, главы Инквизиции в Асфрагосе. Лет тридцати, лицо острое, глаза прищурены, в них — холодное спокойствие человека, который видел много смертей и перестал различать лица. Отец лечил его однажды — вывих плеча на тренировке. Феон держался, не проронив ни звука, пока отец вправлял сустав, и даже не поморщился. Теперь его лицо было лицом судьи, уже вынесшего приговор.

— Мастер Алдарон, — узнал он. — Я ценю ваше рвение, но это не раненый.

Отец подошёл ближе. Он положил ладонь на грудь одержимого. Пальцы чуть дрогнули.

— Он ещё дышит, — сказал отец.

— Это не дыхание, — возразил инквизитор. — Туман движет его лёгкими. Вы знаете протокол. Контакт с одержимым — Очищение. Без исключений.

— Я знаю протокол, Феон. Этот человек ещё жив. Его душа борется. Я чувствую.

Кириан смотрел на одержимого. Лет двадцать. Русые волосы, широкие скулы. Крестьянин из восточной деревни. Простая домотканная одежда, с заплатами на локтях, которые ставила чья-то заботливая рука.

— Если я понял верно, — медленно произнёс инквизитор, — вы предлагаете рискнуть. Если дух проявится, он убьёт минимум троих, прежде чем я его остановлю. Вы готовы взять на себя ответственность?

Отец выпрямился.

— Да.

Инквизитор опустил жезл. Кристалл погас, и толпа выдохнула — те, кто стоял ближе, почувствовали, как гул отступил.

— Даю вам пять минут, — сказал он. — Потом я проведу Очищение независимо от результата.

Отец кивнул и повернулся к Кириану.

— Слушай внимательно. Это не обычное исцеление. Это душа, застрявшая между миром живых и Чертогом. Мне понадобится твоя Искра.

— Моя? Но я никогда...

— Я знаю. — Он положил руку ему на плечо. — Просто делай, что я скажу. Доверься мне.

Кириан кивнул. Он для вида достал инструменты из сумки — зажимы, бинты, пропитанные настойкой. Руки двигались сами, по памяти, но внутри всё дрожало. Отцу он всегда верил.

Алдарон закрыл глаза и положил обе ладони на грудь одержимого, и запел — низко, монотонно, на Старом Наречии. Слова были тяжёлые, как камни, и каждый слог падал в воздух, оставляя след. Искра отца вышла из пальцев золотистым свечением и потекла в тело страдальца. Свет проникал сквозь кожу — там, где Туман уже начал пускать корни, золото встречалось с серым — и вспыхивало, как искры от удара кремня.

— Теперь ты, — сказал отец сквозь зубы. — Руку мне на плечо. Думай о свете. Представляй, как он течёт через тебя ко мне.

Кириан положил ладонь на плечо отца и закрыл глаза. Искра отозвалась мгновенно. Тепло хлынуло в ладонь — и дальше, к отцу. Он чувствовал, как Искра течёт через него, как река, распускается, как цветок на солнце.

Он вдруг почувствовал иное. Туман. Что-то чужое, древнее, голодное. Кто-то смотрел на него изнутри одержимого.

Отец вздрогнул и сменил песнопение. Золотой свет стал ярче, и одержимый закричал.

Нечеловеческий крик — два голоса: низкий, мужской, полный боли, и высокий, визгливый. Голос Неупокоенного. Тот, что визжал, был старше, Кириан чувствовал, как этот голос проникает в его сознание, пытается прорваться, найти лазейку.

— Держи! — прорычал отец где-то далеко. — Не отдавай всё!

Искра уходила потоком — вырывалась из него, как вода из прорванной плотины. Перед глазами поплыли чёрные пятна. Он стиснул зубы и представил не просто свет, а солнце — огромное, слепящее, выжигающее всё на своём пути. Солнце, которое не знает пощады.

Одержимый закричал в последний раз — и обмяк.

Отец убрал руки и тяжело опустился на землю. Кириан подхватил его — отец был легче, чем казался. Слишком лёгкий...

— Готово, — выдохнул отец. — Он будет жить.

Толпа взорвалась удивлёнными, радостными криками. Кто-то плакал. Кто-то благодарил богов, которых вспомнил. Инквизитор приблизился, наклонился над телом, проверил пульс,

заглянул в глаза. Теперь в них была не муть — зрачки, расширенные, но человеческие. Мужчина тяжело дышал.

— Поразительно, — сказал он без выражения. — Я доложу Конклаву. Возможно, вас наградят.

Отец не ответил. Он смотрел на Кириана.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — солгал Кириан.

— Идём домой, — сказал отец, поднимаясь. — На сегодня хватит.

Но на сегодня не хватило. Золотой свет Искры тускнел в ладонях отца. Руки дрожали от холода. Инквизитор насторожённо смотрел на них: он видел больше, чем говорил.

* * *

Прилив только начинался. К вечеру небо пошло рябью, воздух наполнился шёпотом — тихим, неразборчивым, доносившимся сразу отовсюду — он был как ветер. Сквозь шёпот пробивался далёкий ритмичный звук — биение огромного сердца. Чертог дышал.

Жители запирали двери и зажигали свечи Искры — маленькие восковые цилиндры, усиленные магией, которые отливали в подвалах Собора и раздавали жителям в дни опасности. Их свет дрожал в окнах, как испуганные светлячки, неровно мерцая в дрожащих руках. Дети молчали, в страхе прижавшись к родителям. Город, который Кириан знал как шумный и живой, теперь замер в ожидании.

В дом Алдаронов постучали через час после заката настойчивыми ударами.

На пороге стоял инквизитор — тот самый, с площади. Только теперь с ним было ещё пятеро. Жезлы горели красным — цвет боевой готовности, который не сулил ничего хорошего. Красный свет отбрасывал тени на лица, делая их чужими.

— Мастер Алдарон, — сказал инквизитор. — Прорыв у Восточных Ворот. Одержимых больше сотни. Все целители мобилизованы. Вы нужны на стене.

Отец побледнел, но кивнул.

— Я соберу сумку.

— Я с тобой, — сказал Кириан.

— Нет.

— Я только что помог тебе спасти человека! Я могу...

— Именно поэтому — нет! — Отец резко обернулся. В его глазах был гнев. Нет — страх! Кириан видел отца разным: усталым, сосредоточенным, задумчивым, даже раздражённым, когда Кириан ошибался. Но испуганным — никогда.

— То, что ты сделал сегодня, было глупостью. Ты выдал почти всю Искру за одно исцеление. Если бы я знал, что Прилив начнётся через час, я бы не позволил тебе. Если ты сейчас пойдёшь на стену, ты умрёшь.

— Но...

— Останься! — Отец схватил его за плечи и встряхнул. — Присмотри за госпожой Эйлой. Присмотри за домом. Я вернусь. Я ведь всегда возвращаюсь?

Он ушёл. Инквизиторы увели его в темноту, красные жезлы ещё долго мерцали в конце улицы, как красные огни в темноте. Их свет отражался в лужах, оставшихся после утреннего дождя, и казалось, что вся улица горит. Кириан стоял на пороге и смотрел им вслед, обхватив себя руками.

«Я всегда возвращаюсь», — прошептал он.

* * *

Он ждал час. Два. Три.

Госпожа Эйла спала после успокоительной настойки — настойки номер семь. Рана затянулась, оставив бледный шрам в форме звезды — по краям ещё розовой, но уже не опасной. В лазарете было тихо — тишина давила на уши. Пахло кровью, и гарью — тошнотворный кок-

тейль, от которого першило в горле. Кириан открыл окно, чтобы проветрить, но снаружи ветер приносил тот же запах, только гуще.

Кириан сидел у стола, крутил в руках пустой пузырёк из-под настойки номер четыре. Искра почти на нуле. Он чувствовал это как голод — в груди, в том месте, где всегда теплился огонь. А сейчас там пусто и холодно.

С востока доносились звуки — далёкие крики, а иногда низкий гул, от которого дрожали стёкла. Работали Проводники. Их боевые заклинания звучали как гром, но гром этот был снизу, из самой глубины, куда город уходил корнями.

А потом он услышал шаги за окном. Тяжёлые, неровные. Кто-то шёл по Рыночной улице, спотыкаясь. Кириан вскочил, когда дверь распахнулась.

На пороге стоял отец. Белая рубаха разорвана и залита кровью. Он шатался. Лицо серое, но глаза — ещё живые.

— Отец!

Кириан бросился к нему, подхватил, довёл до койки. Рубаха, пропитанная кровью, тяжёлая и скользкая, прилипала к пальцам. От отца пахло гарью, потом и железом.

— Тихо, тихо, — бормотал отец, пока Кириан разрывал остатки рубахи. — Это не моя кровь. В основном. Только вот...

Он показал на левый бок. Рана. Неглубокая, но неправильная. Чёрные края, а от них расходились тонкие, как паутина, линии, пульсирующие серым. Касание. Одержимый всё-таки достал его. Туман уже внутри.

— Нет! — закричал Кириан. — Нет, нет, нет! Я сейчас. Я приготовлю настойку номер четыре. Я...

— Не поможет. — Отец поймал его за руку. — Слушай меня. Ты не сможешь вылечить это обычной Искрой. Чтобы его вытеснить, нужна... другая сила.

Кириан замер. Слова приближались — как тени в комнате.

— Какая?

Отец закрыл глаза. Лицо исказилось, как от боли.

— Ты знаешь, какая.

— Я не понимаю.

— Понимаешь. — Отец открыл глаза. — Ты чувствовал это сегодня. Когда держал руку на моём плече. Ты коснулся не только Искры.

Кириан отшатнулся. Слово, которое он пытался не произносить даже в мыслях, вдруг стало реальным. Осязаемым.

— Я... нет. Я не мог! Я Проводник! Я...

— Разрушитель, — закончил отец. — Я знал это с твоего рождения. И твоя мать знала. Она умерла, скрывая тебя от Длани. Я поклялся ей, что никогда не скажу тебе. Я хотел, чтобы ты жил обычной жизнью.

Внутри Кириана все оборвалось. Не трещина — обвал. Вся его жизнь, которую он прожил, рухнула. Он смотрел на отца и видел лицо, которое знал всю жизнь. Но теперь это лицо было чужим. Или он сам стал чужим.

— Почему ты не сказал мне? — прошептал он.

— Потому что я люблю тебя.

Снаружи снова закричали. Ближе, чем раньше. Прорыв двигался в город. Голоса сливались в один протяжный вой, и в этом вое Кириан различал слова на странном языке.

Отец схватил Кириана за руку — крепко, до боли.

— У меня нет времени объяснять. Если ты не сделаешь этого сейчас, я умру. Но для этого ты должен... использовать другую сторону. Коснуться Тумана. Позволить ему войти в тебя.

Кириан смотрел на отца. На чёрные линии, уже достигшие ключицы.

— Я стану одержимым?

— Нет.

Кириан закрыл глаза. Он думал о Завете. О том, что Туман — это смерть. Что прикасаться к нему — значит погубить душу. Об этом говорили на каждом уроке, каждую проповедь в Соборе.

Он думал об отце. О том, как тот учил его читать старые книги, водя пальцем по пожелтевшим страницам, и объяснял каждое слово, пока Кириан не запоминал. Как носил его, посадив себе на плечи, по Рыночной улице, когда он был маленьким, и Кириан смотрел на мир сверху — и мир казался огромным и безопасным.

Он открыл глаза.

— Скажи, что делать, пап.

Отец слабо улыбнулся.

— Положи руку на рану. Закрой глаза. Ты услышишь голос. Не бойся. Это будет голос того, кто хочет помочь.

Кириан положил ладонь на рану. Чёрные края обожгли холодом — и услышал голос.

«Мальчик...» Он вздрогнул. Голос звучал внутри головы.

«Ну вот, ты слышишь меня. Я не причиню тебе вреда. Я — твой дед. И я ждал этой встречи много лет. Чертог держит меня. Через тебя я могу действовать. Я могу спасти моего сына. Твоего отца. Просто впусти меня».

— Ты мёртв, — прошептал Кириан.

«Я мёртв. Но я не ушёл. Впусти меня».

И тут перед глазами Кириана вспыхнули образы. Старик с отцовскими глазами — серыми, выцветшими, но живыми. Женщина, которую он никогда не видел, но в которой узнал мать — она склонила голову, глядя на него. Качала головой. Говорила: «Нет». А потом он увидел отца. Молодым, улыбающимся. С маленьким Кирианом за руку. Они смеялись. Было лето. Было солнце. И не было никакого Тумана.

— Хорошо, — сказал Кириан. — Входи.

И мир стал серым.

Одно мгновение — и он уже словно не в своём теле. Вернее, в своём, но не один. Кто-то другой стоял рядом, его руки лежали поверх рук Кириана. Мозолистые, с длинными пальцами, такие же, как у отца. Туман — он чувствовал его теперь. Голос. Миллионы голосов, шепчущих одновременно. Среди них один — тот, что держался за рану. Чужой дух, захвативший отца.

Кириан потянулся к нему, схватил и потянул.

Дух закричал — визгливый вой, как на площади. Кириан больше не боялся его. Он держал его и вытягивал из отца, как занозу из пальца. И чёрные линии начали бледнеть, и исчезать.

Всё кончилось.

Кириан открыл глаза. Он стоял на коленях перед койкой отца. Ладонь всё ещё лежала на ране — но она больше не была чёрной. Кровь ещё текла, но это была просто кровь. Отец смотрел на него. В глазах стояли слезы.

— Ну вот, — прошептал он. — Ты спас меня.

Кириан хотел ответить, но голос деда зазвучал снова — тише, почти извиняясь, — «Беги».

Дверь лазарета сорвало с петель.

На пороге появился инквизитор. Тот самый. В его глазах не было больше ни уважения, ни расчёта. Только злость.

За его спиной горели красные жезлы. Пятеро рыцарей Длани Зари.

— Я почувствовал это, — сказал инквизитор, глядя на Кириана. — Ты использовал Туман. Ты коснулся его.

— Я спасал отца! — крикнул Кириан, поднимаясь. — Он умирал! Вы видели — я спас человека на площади! Я целитель!

— Разрушитель, — перебил инквизитор. — Или пытаешься стать им. Ты пойдёшь с нами.

Кириан посмотрел на отца. Тот попытался встать, но рухнул обратно на койку. Его лицо было серым от потери крови.

— Кириан... — прошептал он. — Не трогайте...

— Мастер Алдарон, — холодно сказал инквизитор, — вы тоже пойдёте с нами. Как только сможете стоять на ногах. Вы скрывали от всех Разрушителя! Это неслыханная ересь.

Кириан увидел, как рыцари поднимают жезлы. Красный свет залил комнату, делая всё вокруг кровавым. Тени на стенах вытянулись, затанцевали багровыми призраками.

Не раздумывая, он ринулся вперёд — к окну, вышиб створку плечом и выпрыгнув, покатился по мостовой. От удара онемели руки, и он замер, прислушиваясь к погоне. Сзади закричали. Тут же в стену над головой ударило заклинание, оставившее оплавленную борозду. Запахло горелым камнем.

Кириан вскочил и побежал. По Рыночной улице, мимо фонтана, мимо закрытых дверей и тёмных окон. В переулок. В другой. В третий. Ноги несли его сами, выбирая путь.

Сзади раздались тяжёлые шаги, и голос инквизитора — спокойный, как на проповеди: — Он не уйдёт. Ему некуда идти. Весь город знает его в лицо. Весь мир будет охотиться на него. Остановись, и мы дадим тебе лёгкую смерть!

Кириан не остановился.

Он бежал, пока не увидел вход в катакомбы — ржавую решётку, за которой начиналась лестница в темноту. Место, куда нормальные люди не сунутся. Это место Могильщиков.

Он сорвал решётку — острые края ободрали ладонь. Кровь смешалась с ржавчиной, но боли он не почувствовал. Только холод, разливающийся по руке. Он нырнул вниз, в сырую темноту, пахнущую, плесенью и Туманом.

Он спускался, пока не перестал слышать шаги преследователей.

В катакомбах было темно — только редкие кристаллы-светляки, вставленные в стены сотни лет назад, давали тусклое синеватое свечение. Где-то капала вода, а ещё дальше звучал неразборчиво шёпот. Кириан прижался спиной к холодной стене и сполз на пол.

Только теперь он почувствовал, что случилось с его телом. Левое предплечье горело. Он закатал рукав — и увидел переплетение чёрных и золотых вен, похожее на обугленный корень. Оно билось как маленькое сердце. От него исходил холод — словно сама смерть коснулась его руки и оставила отпечаток.

«Это знак, — сказал голос деда. Теперь слабее, как эхо в пустом колодце. — Метка Разрушителя. Теперь каждый Скованный за лигу почует тебя. И каждый Проводник тоже».

— Ты сказал, что ты мой дед, — прошептал Кириан. — Ты должен был помочь.

«Я помог. Твой отец жив».

— Мой отец в плену у инквизиции!

«Он жив. Это больше, чем то, на что я мог надеяться. А теперь слушай. У меня мало времени. Я отдал почти всё. Скоро я уйду обратно в Чертог, и ты останешься один».

Кириан закрыл лицо руками. Хотелось плакать, но слёз не было.

— Что мне делать? — спросил он.

«Ты же слышал инквизитора. Тебе некуда идти в Асфрагосе. Но есть место, где Разрушителя не убьют на месте. Где его дар считается благословением, а не проклятием».

— Некрополис.

«Да. Тебе нужно на восток. В Пустошь. А потом — дальше».

Кириан поднял голову. Сквозь темноту он видел только слабое свечение кристаллов и собственную руку, пульсирующую чёрным и золотым.

— Там живут Скованные. Они убивают Проводников.

«Ты уже не Проводник. Ты Разрушитель. Ты — их пророчество. Они примут тебя. А теперь слушай самое важное».

Голос деда стал почти неразличим, как шёпот ветра.

«В катакомбах живут Могильщики. Те, кто потерял Искру. Они знают ходы под Горным Кольцом. Найди их. Скажи, что ты от Алдаронов. Они помогут. И ещё...» Голос затих.

— Что? — Кириан вскочил. — Что ещё?

«Не верь... никому...» И голос исчез. Кириан остался один во тьме.

Он сидел долго — может быть, час, может быть, два. Время в катакомбах текло иначе. Он смотрел на свою руку, на переплетение чёрных и золотых вен, и думал об отце. О матери, которую никогда не знал. О деде, который был мёртв, но говорил с ним. О том, что мир, который он знал, рухнул за один день.

Потом он встал.

Глубоко в катакомбах — или в его собственной голове — звучал далёкий, едва различимый шёпот. Тысячи голосов. Миллионы. Теперь он слышал его постоянно.

Кириан стиснул зубы и пошёл в темноту.

Глава 2. Могильщики

* * *

Тьма в катакомбах была не просто отсутствием света. Она дышала — воздух двигался, будто каменные лёгкие делали вдох и выдох глубоко под землёй. Она слушала — каждый шаг возвращался искажённым эхом, темнота пробовала звук на вкус, пережёвывала его и выплёвывала обратно, делая чужим. Она помнила — стены испещрены царапинами, которые складывались в буквы, слова и имена. Люди, спускавшиеся сюда до Кириана, хотели оставить след. Хотели, чтобы их не забыли.

Кириан шёл, потеряв счёт времени. Ему казалось, прошла вечность, и в то же время — что он только что спустился. Кристаллы-светляки в стенах попадались всё реже. Синий свет теперь не столько освещал путь, сколько обозначал его. От этого света кожа казалась синеватой, как у трупа, и каждый раз, когда Кириан подносил руку к лицу, чтобы рассмотреть Метку, пальцы казались чужими. Он отдёргивал руку, прятал её в рукав, но чувствовал её.

Тоннели разветвлялись, сужались, расширялись, уводили вниз и вверх. Пол был неровным — гладкий камень, отполированный тысячами ног, сменялся щебнем, осыпавшимся со сводов.

Влажный и тяжёлый воздух пах плесенью, сыростью и чем-то сладковатым, как гниющие цветы. Этот запах напоминал Кириану старый сад за городской стеной, куда они с отцом ходили за травами. Там рос куст с мелкими белыми цветами, пахнувшими мёдом когда они цвели и гнилью, когда вяли.

Кириан придерживался левой стены — старый трюк, которому учил отец: «Если держаться одной стены, рано или поздно выйдешь либо к выходу, либо к центру лабиринта. Это не быстро, но надёжно». Стена под пальцами была неровной — гладкие участки сменялись шершавыми, влажные — сухими. Он нащупал глубокие царапины — три параллельные борозды, словно кто-то провёл когтями по камню. Или пальцами. Он отдёрнул руку, но через мгновение снова прижал ладонь к стене.

Он думал об отце, там, наверху, в руках инквизиторов. Отец ранен — он не мог стоять. И всё же попытался защитить сына — из последних сил. «Не трогайте...» — всё, что успел сказать. Голос отца, сорвавшийся на последнем слове, звучал в ушах Кириана, повторялся снова и снова. Он пытался заглушить его — считал шаги, прислушивался к своим шагам, — но слова не шли из головы.

Отец знал. С самого рождения знал, что Кириан — Разрушитель. Знал и молчал. Каждый день, каждую ночь, каждую трапезу, каждый урок — Шестнадцать лет он жил с тайной, стоившей ему свободы. А теперь и жизни. Кириан пытался вспомнить, были ли знаки. Может быть, отец смотрел на него иначе, когда думал, что Кириан не видит. Может быть, были слова, которые он не договаривал. Может быть, были ночи, когда он вставал и стоял у кровати сына, просто глядя на него. Кириан не помнил. И это было хуже всего — что он не заметил. Что он был слишком занят своей жизнью, чтобы увидеть то, что отец носил в себе каждый день.

Кириан остановился и прижался лбом к холодному камню. Влажный мох коснулся щеки — мягкий, как бархат, и такой же холодный. Вдруг захотелось вернуться. Пройти обратно через все тоннели, подняться по лестнице, выйти на площадь и крикнуть: «Я здесь. Делайте что хотите. Только отпустите его». Но он знал — бесполезно. Длань Зари не торгуется. Ересь есть ересь. Они сожгли бы его на площади, как того одержимого, и отец смотрел бы на это, и ничего не мог бы сделать. Если только...

Он не закончил мысль. Послышались шаги. Лёгкие, осторожные, из того же тоннеля. Сначала он подумал — эхо собственных шагов, темнота искажала звуки. Но эхо не дышит. Кириан вжался в стену, стараясь слиться с камнем.

Свет. Огонёк свечи.

Из-за поворота вышла девушка.

Невысокая, худая, в бесформенном сером балахоне — Могильщица. Балахон ей был велик — рукава закатаны до локтей, подол подвязан верёвкой, чтобы не путался под ногами. У неё были тёмные волосы, видать она сама срезала их ножом — где-то длиннее, где-то короче, пряди торчали в разные стороны. В одной руке свеча, в другой — длинный нож, направленный в темноту.

— Воняет, — сказала она низким хриплым голосом, неожиданно взрослым для неё. — Ты по левую руку от меня, я чувствую тебя. Не двигайся.

— Я не враг.

— Враги начали признаваться? — Она сделала шаг ближе. Свеча горела ровно, не колыхалась, хотя сквозняк гулял по тоннелю, и Кириан чувствовал его на лице. — Друзья, враги. Я решаю, кто здесь враг, а кто просто заблудился.

— Я ищу Могильщиков.

— Мы называем себя Отвергнутыми. «Могильщики» — это вы, верхние, придумали. Потому что мы живём в темноте и якобы роемся в старых костях. — Она усмехнулась. — А ты, я смотрю, просто решил спуститься и представиться первому встречному с ножом.

— Старейшина... он ждёт меня.

Девушка наконец подняла глаза. Долго смотрела, прищурившись. Потом хмыкнула — коротко, почти презрительно.

— Старейшина ждёт всех. Вопрос в том, кто из нас доживёт до встречи. Идём. Но если ты замедлишь меня — я брошу тебя в первой же Трещине. Я не шучу.

Она повернулась и пошла, не дожидаясь ответа. Шаги его были бесшумными: он ступал не на пятку, а на носок, как все те, кто привык ходить в темноте. Кириан двинулся следом, стараясь не отставать. Тоннели становились уже и ниже — приходилось пригибаться, острые выступы свода задевали плечи. Девушка двигалась уверенно, без колебаний, будто знала каждый поворот. Свеча горела ровно, несмотря на сквозняки, пламя не колыхалось — стояло, как нарисованное.

— Твоя свеча, — сказал он, когда молчание стало слишком долгим — Не дымит и не гаснет. Это магия?

— Нет. Просто хороший воск. С примесью серебряного листа. Отгоняет Тумановых духов.

— Откуда у Могильщиков серебряный лист?

Она не ответила сразу. Шла дальше, глядя прямо перед собой, и Кириан уже думал, что она пропустит вопрос мимо ушей. Но через несколько шагов она сказала: — Мы не всегда были Могильщиками.

И замолчала.

— Как твое имя? — спросил он через некоторое время.

— Лира.

— Ты Могильщица?

Она остановилась резко — и Кириан налетел на неё, едва удержавшись на ногах. Свеча на мгновение осветила стену, и он увидел барельеф. Старое, почти стёртое изображение: человек с жезлом в одной руке и светильником в другой. Проводник. Или Скованный. Время стёрло детали, но Кириан узнал позу — ту, что видел в книгах отца. Человек, стоящий на границе миров.

— Я родилась здесь. Других Могильщиков, как ты их зовёшь, не знала. Хватит вопросов. — Она говорила спокойно, но в голосе звенела сталь. — Здесь, внизу, мы живём по своим законам. Один из них — не нужно оскорблять хозяев, если ты гость.

— Прости. Я не хотел.

— А ты извиняешься за каждое слово?

— Только когда виноват.

Она бросила взгляд через плечо. В свете свечи лицо казалось старше — тени залегали глубоко, делая глаза почти чёрными.

— Странный ты какой-то. Обычно те, кто спускается к нам, либо напуганы до смерти, либо злые на весь мир. Ты не похож ни на тех, ни на других.

— Я просто устал.

— Это пройдёт. — Она засмеялась и снова пошла вперёд. — Здесь все устают. Те, кто не устаёт, сходят с ума. Мы называем их Слушателями.

— Почему?

— Потому что они постоянно слышат напев. Чертог поёт им свои песни. Некоторые не выдерживают и начинают петь в ответ. Потом они уходят глубоко, в старые ходы, и больше не возвращаются. А с теми, кто возвращается, лучше не встречаться.

— А ты слышишь Чертог?

Она снова остановилась. На этот раз резче. Пламя свечи впервые дрогнуло — Тени на стенах качнулись, будто их толкнули.

— Не задавай таких вопросов, — сказала она тихо. — Никогда. Ни здесь, ни где-либо ещё. Ты понял?

— Понял. — Он помолчал. — Почему?

— Потому что если я отвечу «да», меня сожгут, как должны сжечь тебя. — А теперь закрой рот и иди за мной.

Тоннель постепенно расширялся, воздух становился теплее. Запах плесени отступал, уступая место древесному дыму, еде, сухим травам, свечному воску. Где-то впереди слышались неразборчивые, но живые голоса. Детский смех — высокий, звонкий, такой же, как смеялся Тобин в Асфрагосе. Звон посуды. Далёкая музыка — грустная, кто-то играл на старой лютне.

— Пришли, — сказала Лира.

* * *

Пещера была величиной с Собор Искры. Свод терялся в темноте — даже свет сотен свечей и кристаллов не достигал потолка. Пространство было организовано ярусами: деревянные мостки и лестницы змеились по стенам, соединяя десятки вырубленных в камне жилищ. Кириан видел простые, деревянные двери, с ручками из верёвок. Окна, вырезанные в скале, завешаны тканью. Где-то горел свет — не свечи, а кристаллы в стене, дававшие тёплый, жёлтый свет.

На мостках сушилось бельё — серые рубахи и штаны, прихваченные к верёвкам деревянными прищепками. На стенах между жилищами рисунки — углём и охрой, карты тоннелей, схемы переходов. Чьё-то лицо, старательно выведенное детской рукой, с надписью снизу — «мама». Солнце — не символ Длани, просто солнце, круглое, с лучами во все стороны, какое рисуют дети, когда ещё не знают, что солнце так не выглядит. Кто-то здесь скучал по свету. И Кириан смотрел на это солнце и думал о том, что ещё утром он видел настоящее — и не знал, увидит ли его снова.

Струился густой и тёплый воздух, пропитанный запахами. У дальней стены — общий очаг, сложенный из старых камней, над ним висело несколько котелков, от которых поднимался пар. Женщина в сером балахоне помешивала варево длинной деревянной ложкой, движения были медленные, усталые, как у человека, который делает это каждый день много лет. Рядом старик чинил сапог — подошва оторвалась, он пришивал её толстой дратвой, зажав сапог между колен. Он прищурился, глядя на новичка, но ничего не сказал.

Кириан привык думать о Могильщиках так, как научили думать о них в Асфрагосе: тени, отверженные, те, кто ушёл вниз и не вернулся. Но тени не чинят сапоги. Тени не рисуют солнце на стенах. Тени не кормят детей похлёбкой из закопченого котелка. Кириан смотрел на этот

котелок и думал об отцовском — с вмятиной на боку. О том, что тот котелок сейчас стоит в лазарете, и никто его не снимет с полки. Что отец не нальёт из него похлёбку и не скажет: «Садись, сын. Будем есть». А, может быть, уже никогда и не скажет.

У многих были серые глаза — как у него самого. Но их серость была другой: тусклой, пепельной, без блеска. Глаза тех, кто потерял Искру. И всё же эти люди смеялись, разговаривали, ели, работали. Жили. Кириан смотрел на них и пытался понять: что остаётся, когда внутри гаснет свет? Что чувствует человек, когда огонь, который горел в нём всю жизнь, умирает, оставляя только пепел? Он не мог представить. Но эти люди не выглядели мёртвыми. Они научились жить с этим.

— Добро пожаловать в Убежище, — сказала Лира. — Не глазей, а? Идём.

Она повела его через пещеру, и Кириан чувствовал на себе взгляды. Люди отрывались от дел и смотрели. Женщина прижала к себе ребёнка, когда Кириан проходил мимо, — её глаза расширились, она отступила в тень, закрывая малыша собой. Мужчина со шрамами на лице поднялся и сплюнул себе под ноги.

Они подошли к дальней стене, где в скале была вырублена арка, завешенная плотной тканью. Гобелен с выцветшим узором: золотое солнце на белом поле. Символ Белобога. Символ Длани. Здесь, в подземелье, он выглядел как насмешка. Реликвия из мира, который отверг этих людей. Кириан смотрел на солнце и думал о том, что утром он сам носил на груди такой же медальон. Теперь он остался в лазарете.

Лира откинула ткань и жестом пригласила Кириана войти.

Внутри было темно. Только один кристалл горел в углу, выхватывая фигуру в кресле. Старик. Очень, очень старый. Тонкая как пергамент кожа — полупрозрачная, с сетью голубых вен, проступающих так ясно, что казалось, под кожей течёт не кровь, а свет. Глаза — два тусклых уголька, почти погасших. Он был завёрнут в серый балахон. На тыльной стороне ладоней коричневые пигментные пятна — с неровными краями, как старая ржавчина. Казалось, он не живой, а статуя из старого воска — только едва заметное движение груди говорило, что он ещё дышит. Каждый вдох был усилием.

— Старейшина, — сказала Лира, и голос её смягчился — впервые Кириан слышал в нём что-то кроме стали. — Я привела его, как вы просили.

Старик не пошевелился. Только угольки глаз переместились на Кириана. Медленно, как движутся облака.

— Подойди, — сказал он сухим голосом, как шелест осенних листьев.

Кириан сделал шаг, потом другой. Старейшина поднял руку — медленно, с усилием, и коснулся Метки на предплечье Кириана. У него были ледяные и сухие пальцы, как старые кости. Прикосновение длилось мгновение.

— Да, — прошептал старик. — Это он. Разрушитель. Как же долго ты шел.

— Вы знали? — спросил Кириан. Голос дрогнул.

— Я надеялся. Я — последний, кто помнит Пророчество Сивиллы в полном объёме. Длань Зари уничтожила почти все копии. Глупцы. — Он убрал руку, откинулся в кресле, будто прикосновение отняло последние силы. — «Рождённый под знаком двух смертей, он придёт не с мечом, но с повязкой целителя. Мать даст ему имя и уйдёт до рассвета, отец отвернётся от дела рук своих». Это о тебе. Всё сходится.

— Отец не отрекался! Его схватила Длань. Он защищал меня.

— Это и есть отречение. Не по своей воле, но он отвернулся. Так сказано в Пророчестве. Так случилось.

Последняя надежда рушилась — что всё это ошибка, что можно проснуться, что отец позовёт его завтракать. Пустота.

— Что мне делать?

— Выжить. Для начала — просто выжить. А для этого тебе нужно покинуть Асфрагос. Здесь тебя найдут. Ты должен идти на восток, в Некрополис.

— Оказаться среди Скованных? — фыркнула Лира. — Морвенна из Костяного Сада ищет Разрушителя уже много лет. Он будет не гостем — экспонатом.

— Среди Скованных у него есть шанс, — возразил Старейшина. — Здесь — шанса нет.

— Ты поможешь мне уйти?

— Я слишком стар. Не покидал это кресло уже десять лет, знаешь. Но Лира поможет. Она знает все ходы под Горным Кольцом.

— Что?! — Лира резко повернулась, и Кириан увидел, как её лицо изменилось — гнев, обида, что-то ещё, чего он не мог прочитать. — Я не...

— Ты, — перебил Старейшина, и в голосе прорезалась сталь — отголосок того, чем он был когда-то. — Ты годами просила меня дать тебе настоящее дело. Вот он, твой шанс.

— Я хотела выбраться, чтобы найти лекарство для вас! А не чтобы тащить какого-то...

— Лира. — Старейшина поднял руку, и она замолчала. — Ты знаешь, что никакое лекарство мне не поможет. Моя Искра угасла почти полностью. А этот мальчик может изменить всё.

Она долго смотрела на старика, Потом она опустила глаза.

— Хорошо, — выдохнула наконец. — Я проведу его. Но если из-за него мы попадём в засаду, я брошу его в первом же тоннеле.

— Не бросишь, — сказал Старейшина с тенью улыбки. — Ты не умеешь бросать.

Лира выбежала. Кириан остался наедине со стариком.

— Она хорошая, — сказал Старейшина, когда шум её шагов стих. Голос его снова стал слабым, будто слова Лиры отняли последнее. — Лучшая из нас, пожалуй. Она потеряла Искру не из-за возраста, как я. Она отдала её. Своей матери. Та умирала от Тумановой лихорадки. Лира попыталась спасти её, но Искры не хватило. Тогда она отдала всю себя, до капли. Мать прожила ещё три дня. А Лира стала Выдохшейся. Ей было двенадцать.

Кириан молчал. За стенами пещеры текла жизнь Убежища: детский смех, скрип деревянных мостков, звон посуды. Лира была там — снаружи, за занавесом из старого гобелена. Двенадцать лет. Кириан пытался представить двенадцатилетнюю Лиру — острые скулы, короткие волосы, нож в руке — и не смог. Он мог представить только девочку, которая держит умирающую мать за руку и отдаёт ей последнее, что у неё есть. А потом встаёт. И живёт дальше — на надежде, потому что больше не на чем.

— С тех пор она ищет способ восстановить Искру. Не для себя — для других. Но она на грани. Когда Искра угасает полностью, перестаёшь чувствовать. Радость, грусть, любовь — всё уходит. Лира держится на злости — это последнее, что у неё есть.

— Можно ли восстановить угасшую Искру?

— Говорят, Разрушитель может всё. — Старейшина посмотрел ему прямо в глаза. — И это ещё одна причина, почему она должна идти с тобой.

* * *

Лира ждала снаружи, скрестив руки на груди с каменным лицом, но Кириан заметил, как она нервно сжимает и разжимает пальцы. Ножа в руке не было.

— Поговорили? — спросила она. — Тогда слушай правила.

Она выставила руку и начала загибать пальцы, отсчитывая: — Первое: ты делаешь то, что я говорю. Без вопросов. Если я говорю «стой» — ты стоишь. «Беги» — бежишь. «Замри» — замираешь и не дышишь. Второе: никакой магии. Твоя Метка и так светится как маяк. Третье: никаких вопросов о Чертоге. Обо мне. О том, что я слышу или не слышу. Четвёртое...

— А пятое?

— Пятое: не умирай. Раздражает.

Кириан улыбнулся — впервые за долгое время.

— Я постараюсь.

Она бросила ему мешок, и Кириан поймал его на лету. — Здесь еда на три дня, вода на два и рубаха. Переоденешься, когда будем на безопасном расстоянии.

— Спасибо.

— Ой, да пожалуйста. Я делаю это не для тебя.

— Для Старейшины?

Она промолчала. Повернулась и пошла к выходу из пещеры, не оглядываясь.

* * *

Они вошли в тоннель, вход в который был скрыт за старым гобеленом. Здесь было холоднее, чем в Убежище, и тише — звуки шагов гасли, поглощённые плотной темнотой. Лира шла впереди, свеча отбрасывала пляшущие тени на стены.

Они шли, пока тоннель не расширился, и оказались в круглой пещере. В центре — колодец, каменный провал, от которого поднимался серый дымок. Он стелился по полу, как живое существо, и когда Кириан сделал шаг вперёд, дымок потянулся к его ногам, словно принюхиваясь. Метка тревожно заныла.

— Не подходи, — сказала Лира. — Это Трещина. Одна из многих. Если упасть туда, будешь падать вечно.

— Я слышу его, — сказал он тихо. — Чертог. Он поёт.

Лира резко повернулась.

— Что поёт?

— Не знаю. Слов не разобрать. Просто... мелодия. Грустная. Как колыбельная.

Лира долго смотрела на него. Потом отвела взгляд.

— Старейшина сказал, что ты можешь восстановить Искру. Это правда?

— Я не знаю. Я даже не понимаю, кто я теперь.

— А если бы знал? Если бы мог — попробовал бы?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что никто не должен жить в темноте.

Лира ничего не ответила. Села у стены, достала из мешка флягу. Сделала глоток, потом протянула Кириану. Вода была холодная и чистая — удивительно чистая для подземелья.

— У нас есть час отдыха. Ешь, пей и спи, если сможешь. После этого мы продолжим путь без остановок.

Кириан открыл мешок. Внутри — краюха хлеба, ещё тёплая, только что из печи, кусок сыра в тряпице и чистая серая и грубая рубаха. Он переоделся, стараясь не смотреть на Метку. Серая ткань пахла дымом и плесенью — запахом Убежища.

— Лира?

— Что?

— Спасибо. За еду. За рубаху. За то, что не бросила.

Она не ответила. Но плечи чуть расслабились.

Кириан задремал, привалившись к холодной стене, и сон пришёл сразу. Он стоял в огромном зале из серого тумана. В центре — три кресла. Два пустых. А в третьем, чуть поодаль, кто-то сидел. И у него была дыра в груди. Она была затянута серым Туманом, слабо светящимся изнутри.

— Здравствуй, Разрушитель, — сказал человек. — Я ждал тебя.

Кириан проснулся от собственного крика.

Лира стояла над ним с ножом. Свеча дрожала в её руке, и тени плясали по стенам, как безумные.

— Что такое? Что ты видел?

— Не знаю, — прошептал Кириан. — Человека с дырой в груди.

Лира побледнела. В свете свечи её лицо стало восковым, как у Старейшины.

— Собирайся. Мы уходим. Сейчас же. Если Жрец Пустоты знает о тебе, он может найти тебя даже здесь.

— Кто он?

— Вал'Тирин. Живёт в Башне на Озере Тумана, в самом сердце Некрополиса. Говорят, он старше самой Империи Заката. Говорят, он когда-то был Разрушителем. А потом что-то случилось, и он стал тем, кто он есть теперь. Никто не знает точно. Но все боятся.

Кириан вспомнил бездонные серые глаза.

— Он не зло, — сказал он, сам не зная почему. Слова вырвались сами.

— Откуда знаешь?

— Не знаю. Просто чувствую.

Лира посмотрела на него долгим взглядом. Потом покачала головой.

— Не шути так. Идём. До рассвета нужно добраться до Малых Врат.

* * *

Они шли ещё три часа. Тоннель поднимался, опускался, снова поднимался. Ноги болели — у Кириана горели икры и ныла спина от постоянного наклона. Лира шла впереди, он старался не отставать, хотя каждый шаг уже давался с трудом. Воздух становился свежее — они приближались к поверхности.

А потом она остановилась.

— Слышишь? — прошептала она, глядя тревожно прямо в глаза.

Шаги приближались. Много шагов. Послышался лязг металла — звук жезлов, ударяющихся о доспехи. Кириан узнал этот звук, он уже слышал его сегодня утром.

— Длань! Они нашли ход.

— Откуда они знают?

— Следователь. У них есть следователь — особый инквизитор, который чует Тьму, как я чую Метку. — Она схватила Кириана за руку своими холодными цепкими пальцами. — Бежим!

И они побежали. Тоннель петлял, разветвлялся, Лира выбирала повороты не мешкая. Кириан слышал, как шаги позади то приближаются, то отдаляются. Голоса разносились эхом: «Сектор три чист! Сектор четыре чист! Он здесь! Я чую его!» Лира свернула в проход, ведущий круто вверх. Здесь было совсем темно — ни одного кристалла. Только её свеча. Пламя отбрасывало тени, и Кириану чудилось, что они тоже преследуют их.

— Куда мы бежим?

— К Малым Вратам не пройти, нас отрезают. Идём к старому выходу у подножия Горного Кольца. Если успеем — выйдем прямо в Пустошь.

— А если нет?

— А сам как думаешь? Не отвлекай, пожалуйста.

Они поднимались по почти отвесному проходу. Камни осыпались под ними, мелкие осколки сыпались вниз, в темноту. Кириан поскользнулся, — Лира схватила его за рукав и тащила вверх. Ткань трещала, но выдержала. Сзади голоса становились громче. Впереди забрезжил настоящий солнечный свет.

Лира вылезла первой и протянула руку Кириану. Он схватился за неё и вывалился наружу. Колючий ветер пахнущий пылью и гарью, ударил в лицо. Свобода. Серая, бесконечная и пугающая.

Они стояли на узком карнизе. Сзади возвышалась скала, уходя в низкие облака. Впереди простиралась Пустошь, которая терялась на горизонте. Кириан никогда не видел Пустошь — только читал о ней в книгах. И книги не передавали этого ощущения: что ты стоишь на краю мира, и мир этот давно умер.

— Вот он! — раздался крик сзади.

Из лаза вылезали инквизиторы — трое, в белых плащах. У первого жезл с красным кристаллом, светящимся ярко и зловеще. У второго — арбалет. У третьего — узкое, как лезвие, лицо с горящими глазами. Следователь.

Лира схватила Кириана за плечо.

— Прыгай!

— Что?!

— Тут невысоко. Метров десять. Внизу песок. Доверься.

Кириан посмотрел вниз. Десять метров? Пятнадцать? Пески. Может быть, кости. Может быть, смерть. Ветер бил в лицо, и он слышал, как за спиной инквизитор отдаёт приказ.

— Мне сказали, что ты не умеешь бросать! — крикнул он.

— Я не бросаю!

И она прыгнула, увлекая его за собой.

Глава 3. Отголоски

* * *

Падение длилось вечность — и закончилось за одно мгновение.

Кириан ударился спиной о песок, воздух вылетел из лёгких с глухим, сдавленным звуком. Перед глазами вспыхнули белые искры. Мир закружился, несколько секунд он просто лежал, глядя в серое небо и пытаясь понять, жив ли ещё. Странное небо над Пустошью — не голубое и не серое, а выцветшее, как старая рубаха после бесконечных стирок. Солнце висело тусклым, размытым пятном — свет пробивался через пепельную дымку, от этого всё вокруг казалось плоским, лишённым теней.

Где-то высоко кружила птица — или не птица, что-то с костяными крыльями, ловящими ветер с сухим шелестом. Кириан смотрел на неё и думал: живые существа здесь есть. Значит, и он выживет.

Боль пришла не сразу. Сначала пустота, гул в ушах, металлический вкус. Он облизал губы — на них был песок, мелкий и острый, как толчёное стекло. Потом горячая волна прокатилась от лопаток до поясницы. Он застонал и перевернулся на бок. Песок под ним был холодный — как земля, никогда не видевшая солнца по-настоящему. Он зачерпнул горсть — песчинки потекли сквозь пальцы, как сухая вода, оставляя на коже тонкий слой пыли.

— Вставай.

Голос Лиры. Живой. Значит, она тоже выжила.

Кириан обернулся и увидел Лиру, которая уже поднялась и отряхивалась. Её движения были быстрыми и злыми — она даже не пыталась скрыть своё раздражение. Свеча смялась и погасла при падении, она с досадой сунула огарок в карман. На лбу Лиры красовалась длинная ссадина. Она провела рукавом, размазав кровь по виску, но даже не поморщилась. Её взгляд был устремлён вверх, туда, откуда они прыгали, и Кириан проследил за её взглядом.

— Ты сказала — десять метров, — прохрипел он чужим, сиплым голосом, будто он не говорил несколько дней. — Там было все двадцать.

— Значит, повезло, что не сорок. — Она протянула ему руку. — Вставай. Они не прыгнут за нами — побоятся сломать ноги, у них тяжёлые доспехи — но могут послать стрелка. Или обойти через другой выход. У нас мало времени.

Кириан, крепко схватив её за руку, поднялся. На мгновение мир словно покачнулся, и перед глазами возникли два горизонта, но вскоре всё вернулось в норму. Тело болело, но ничего не сломано. Он осторожно повёл плечами — левое отозвалось тупой болью, глубокой, как зубная. Правая нога ныла в колене, но держала. Он провёл ладонью по спине — рубаха порвана, сквозь прореху прощупывалась ссадина. Он вспомнил, как отец лечил такие раны — и на мгновение захотелось, чтобы отец был здесь.

Он закатал рукав, чтобы проверить Метку, и заметил: чёрные вены немного расширились — на волосок, не больше, но вчера они были тоньше. Золотые линии, переплетённые с чёрными, тоже изменились — стали ярче, будто налились светом.

— Она растёт? — спросил он.

— Не знаю. Никогда не видела такое. — Но она светится, по своему. В Пустоши всё, что так светится, — либо еда, либо цель. Опусти рукав.

Он подчинился. Они стояли у подножия Горного Кольца — гигантской гряды, отделявшей Асфрагос от Пустоши. Скалы взмывали ввысь, теряясь в плотных облаках, а их вершины были укрыты снегом, который никогда не таял. Где-то там, позади, остался лаз, из которого они выпрыгнули, и инквизиторы сейчас решают, стоит ли преследовать беглецов. Кириан слышал приглушённые голоса, доносившиеся сверху, — они спорили, но слов было не разобрать.

А перед ними, насколько хватало глаз, простиралась Пустошь, покрытая серым мхом и редким, чахлым кустарником. Кое-где из земли торчали окаменевшие стволы деревьев — чёрные, скрюченные, похожие на скелеты, застывшие в предсмертной агонии. Некоторые стояли поодиночке, другие — целыми рощами, мёртвыми и неподвижными. Ветер гулял между ними, и ветви, хоть и окаменевшие, издавали звук — тихий, скрипучий, будто деревья пытались говорить, но забыли как.

Ветер здесь никогда не стихал. Он нёс запах пыли, сухой травы и чего-то ещё — слабый, но узнаваемый. Запах гари, которую Кириан почувствовал в утро Прилива. Только здесь гарь старше. Древнее. Будто она впиталась в саму землю тысячу лет назад и с тех пор не выветривалась.

— Добро пожаловать в Пустошь Шепотов, — сказала Лира. — Самое весёлое место к востоку от Асфрагоса.

— Ты здесь была?

— Дважды. — Она поправила лямку мешка, пальцы чуть дрожали. — Оба раза чуть не умерла. Первый раз — искала лекарство для Старейшины, и забрела в зыбучие пески — они здесь не как в пустыне, а просто — земля проваливается под ногами. Второй раз — провожала беглеца до Стены Тумана. Он не дошёл. Вернее, дошёл, но не в ту сторону. Решил, что идти прямо — значит идти правильно. А в Пустоши прямо — не всегда правильно.

— А как правильно?

— Кто же знает? Просто ушёл в серую мглу и не вернулся.— Она кивнула в сторону горизонта. — До границы Некрополиса около семидесяти миль. Четыре дня пешком, если без приключений.

Они двинулись на восток, вглубь Пустоши.

* * *

Первый час они шли молча. Кириан привыкал к новому миру. В Асфрагосе всё понятно: мостовые, дома, фонтаны, нижний город. Пространство расчерчено улицами, как карта. Здесь не было ничего. Только серая земля, серое небо и серый мох под ногами. Но постепенно он начал замечать детали, поначалу ускользавшие от внимания. Пустошь не была пустой. Она была наполнена следами — нужно было только научиться их читать.

В ложбине между двумя барханами, лежал остов старой повозки. Колёса давно сгнили, но металлические ободья ещё держались — ржавые, истончившиеся, тихо скрипели на ветру. Рядом валялись черепки глиняной посуды, покрытые сетью трещин. Кириан наклонился и поднял один — на внутренней стороне сохранился след глазури, бледно-голубой, почти выцветший. Кто-то пил из этой чашки. Кто-то держал её в руках, может быть, в тот самый день, когда мир рухнул. Кириан провёл пальцем по глазури, чувствуя гладкость, пережившую века.

— Не трогай, — сказала Лира. — Здесь всё пропитано старой магией. Некоторые вещи помнят своих хозяев и не любят, когда их трогают чужие.

Кириан осторожно положил черепок обратно. На мгновение ему показалось, что он услышал далёкий женский смех, но ветер стих, и голос исчез.

Чуть дальше, на склоне холма, из земли выступал каменный указатель. Он был древним и установлен ещё во времена Империи Заката. Камень был покрыт трещинами, в них рос мох, но буквы читались. Старое Наречие — Кириан узнал несколько символов, которым учил отец. «Дорога на...» — дальше стёрто. «...до...» — снова пустота. Указатель вёл в никуда. Дорога, которую он обозначал, давно исчезла под песком.

Они шли дальше. В низине блеснула вода — маленькое озерцо, затянутое по краям серой плёнкой, переливающейся на свету. Кириан хотел подойти — жажда уже давала о себе знать, горло пересохло, — но Лира остановила его.

— Э, да ты никак попить решил? Эта вода отравлена Туманом. Видишь плёнку? Это не грязь. Остаточная магия. Сделаешь глоток — через час станешь одержимым. В Пустоши

вода есть только в двух местах: в колодцах, вырытых Могильщиками, и в источниках у Стены Тумана. Всё остальное — смерть.

Кириан кивнул. Фляга, данная Лирой, уже наполовину была пуста, но он не знал, когда будет следующий источник, и пил экономно — по одному глотку, прикрывая глаза, чтобы не видеть отравленное озеро.

К полудню они вышли на возвышенность, с которой открывался вид на огромные пространства. Здесь Кириан заметил первую странность. Пустошь была неровной — земля перемешана: участки песка сменялись пятнами спекшейся глины, твёрдой как камень, покрытой трещинами, а глина — россыпями мелких, острых как бритва камней. Кое-где из земли торчали кости — не человеческие, слишком крупные, с выгнутыми, как сабли, рёбрами и черепа, увенчанными рогами. Кириан никогда не видел таких существ. Один череп был огромным, рога скручены в спираль, глазницы пусты, казалось, что в них всё ещё теплилась жизнь.

— Что здесь произошло? — спросил он.

— Битва, — коротко ответила Лира. — Тысячу лет назад. Империя Заката против Первого Восстания. Сражались несколько дней. Когда всё закончилось, земля была красной во всей округе.

— От крови?

— От магии. Проводники и Скованные сражались вместе против общего врага.

— Против кого?

— Против Империи. — Она бросила на него быстрый взгляд. — Империя Заката не была доброй или злой. Просто слишком самоуверенной. Она хотела управлять Чертогом, а остальные не согласились. Началась война всех против всех. Они проиграли ту битву, но выиграли войну. Империя пала через сто лет. А поле боя осталось. Но это так говорят, как было на самом деле — кто знает?

Кириан смотрел на изрытую землю, пытаясь представить масштаб. Тысячи воинов. Магия, плавившая камень и выжигавшая плоть. Теперь здесь, спустя десять веков, всё ещё ничего не росло — только мох, питавшийся не почвой, а остатками магии. Земля помнила. Каждый камень, каждая трещина хранили отпечаток того, что случилось здесь. Это ощущалось как боль, а не история. Старая рана, которая не зажила до конца.

Солнце клонилось к закату, длинные тени от окаменевших деревьев протянулись по земле, как чёрные пальцы. Ветер усилился, и вместе с ним пришёл звук — далёкий, ритмичный. Шаги.

Лира остановилась и вскинула руку.

— Тихо.

Ветер свистел в ушах. Где-то далеко кричала птица — или та тварь с костяными крыльями. А потом он услышал. Шаги. Слишком ритмичные, слишком ровные.

— Отголоски, — прошептала Лира. — Не двигайся. Что бы ни увидел — не двигайся. Они не видят нас. Они вообще ничего не видят. Они — как запись на старом кристалле, отпечаток в глине. Просто повторяют то, что было.

Из дымки впереди начали проступать силуэты. Сначала смутные, как тени. Потом чётче. Люди. Сотни людей. Они шли строем, плечом к плечу, в руках копья, мечи, щиты. Белые, с золотом, доспехи цвета Империи Заката, — сияли в лучах закатного солнца. Молодые и старые, мужские и женские лица, с одинаковым выражением решимости. Пустые глаза, но не мёртвые. Скорее отсутствующие. Будто они смотрели сквозь этот мир в какой-то другой.

Колонна приближалась. Кириан разглядел детали: старый шрам на щеке солдата в первом ряду — побелевший, перечеркнувший бровь и уходящий под глаз. Сломанный нос, криво сросшийся. У второго — рыжие волосы, заплетённые в тугую косу, перекинутую через плечо. У третьего — щит с гербом: золотой лев, вставший на дыбы, на белом поле.

Первый ряд прошёл сквозь Кириана.

Он почувствовал глубинный холод — словно кто-то провёл ледяным пальцем по душе. На мгновение он ощутил то, что чувствовал тот солдат: всепоглощающую усталость, — когда каждый шаг даётся с трудом; липкий страх, холодный, сводящий внутренности; и странную решимость — почти противоестественную, рождённую не верой в победу, а нежеланием умирать бессмысленно. Он умирал за Империю, в которую верил. Он просто шёл в бой.

Колонна прошла. Шаги стихли.

Кириан выдохнул. Воздух со свистом вырвался из лёгких — он не заметил, как задержал дыхание.

— Что это было? — прошептал он.

— Отголоски. Души, застрявшие в моменте смерти. Они не одержимые — у них нет воли. Просто повторяют последние минуты своей жизни. Раз в месяц, в одно и то же время, идут этим путём на битву, которой никогда не достигнут.

— Они знают, что умерли?

— Нет. И никогда не узнают.

— Это ужасно.

— Это Пустошь. — Лира пожала плечами, но Кириан заметил, как она провела ладонью по рукояти ножа — не угрожающе, успокаивающе. — Привыкай. Лира шла, не оглядываясь.

Кириан смотрел ей вслед — и думал о солдате с рыжей косой. Он прошёл сквозь него. Солдат был внутри него всего мгновение, и за это мгновение Кириан успел почувствовать всё: как натирает сапог на правой ноге. Как пересохло в горле. Как в глубине живота было всё сжато, и солдат нёс это уже три дня, с самого начала похода, и привык к нему — как привыкают к старой ране.

Он шёл умирать. Знал это, и всё равно шёл.

Кириан был потрясён. Он читал о битвах в отцовских книгах — цифры, даты, стратегии. «Первое Восстание потеряло семьдесят тысяч воинов за три дня». Семьдесят тысяч. Число, не помещающееся в голове. Теперь у него было одно лицо — рыжая коса, сапог, натирающий ногу три дня.

Семьдесят тысяч умерших невозможно представить. Одного — нельзя забыть.

* * *

К вечеру они вышли к Лесу Копий.

Кириан понял, что это такое, ещё до того, как Лира назвала место. Из земли торчали копья. Тысячи, десятки тысяч копий. Они ржавели, но не ломались — магия битвы связала их временем на века. Древки были покрыты коркой ржавчины, крошившейся под пальцами, но сами копья стояли прямо, будто их воткнули вчера. Некоторые всё ещё хранили остатки штандартов — выцветшие лоскуты, когда-то бывшие знамёнами. Лев, Орёл, Змея — символы вечности. Какая ирония: вечность стала для них проклятием.

Между копий рос мох. В сумерках он слегка светился — это был мох-кровник, из которого делали настойки. Кириан протянул руку и коснулся его. Мягкий, бархатистый, чуть тёплый, как шерсть живого зверя. Он светился в ответ на прикосновение, и Кириан почувствовал лёгкое покалывание в пальцах. Мох питался остатками магии. И узнавал живых.

— Здесь заночуем, — сказала Лира.

— Здесь? Но почему здесь, среди мёртвых?

— Мёртвые не причинят тебе вреда. А вот живые, которые могут за нами идти, — да. — Она огляделась. — Лес Копий — плохое место для погони. Слишком много металла. Следователь Длани не сможет почуять тебя среди такого количества старой крови. Металл глушит магию. Не полностью, но достаточно.

Она выбрала место между тремя огромными копьями, образовавшими собой нечто вроде шалаша, — древки склонились друг к другу под тяжестью времени, создав ненадёжный свод. Земля здесь была ровная и сухая — песок, смешанный с пеплом. Лира расчистила место от

крупных камней и начала разводить костёр. Кириан помогал — собирал сухой мох, ломал ветки окаменевших кустов. Ветки, хрупкие, как стекло, ломались с тихим печальным звоном. Костёр занялся не сразу — мох тлел, шипел, — но потом вспыхнул зеленоватым пламенем.

— Это из-за Тумана, — пояснила Лира, заметив его взгляд. — Всё, что растёт в Пустоши, пропитано им. Горит плохо, но тепло даёт. И дыма почти нет — хорошая маскировка.

Кириан сел, прислонившись спиной к древку копья. Металл был холодный, но не ледяной — за день немного нагрелся. Долгий день. А ведь прошло всего одно утро с тех пор, как он проснулся в своей постели и услышал запах гари. Казалось, с тех пор прошла вечность.

— Лира?

— М?

— Старейшина сказал, что ты потеряла Искру, пытаясь спасти мать.

Она замерла. Рука с ножом остановилась на полпути к точильному камню.

— Он не должен был тебе говорить.

— Он сказал, что ты держишься на злости. Что это последнее, что у тебя есть.

— Моя жизнь — не твоё дело! Моя Искра — не твоё дело! Моя мать — не твоё дело! Понял?!

— Понял.

Она долго смотрела на огонь. Пламя зеленоватое, странное, отбрасывало тени, в которых Кириану чудились лица. Лицо отца. Лицо матери, которую он никогда не знал. Лицо солдата с рыжей косой. Он моргнул, и лица исчезли.

Потом Лира устало покачала головой — ладно, не бери в голову. Спи. Завтра будет долгий день. Я дежурю первой.

Кириан растянулся на земле, подложив мешок под голову. Мелодия Чертога звучала в голове, в душе, но теперь он почти привык к ней. Она стала фоном, как ветер, как дыхание.

Через некоторое время дыхание выровнялось. Она заснула, сидя, прислонившись к копью. Даже во сне её лицо было напряжённым.

Кириан встал, подошёл к ней и осторожно накрыл своим плащом. Она не проснулась.

Он вернулся на своё место. Камень под спиной был неровным, и острый выступ давил в лопатку. Он слегка переместился, пока не нашёл положение, в котором можно было терпеть.

Лира дышала ровно. Заснула. Рука на ноже не разжалась даже во сне.

Он смотрел в небо — или в то, что здесь было небом: низкие облака, подсвеченные изнутри тусклым, выцветшим светом, не дававшим ни тепла, ни тени. Мелодия Чертога звучала тихо, почти неслышно — не требовала ничего, просто была.

Кириан закрыл глаза.

Глава 4. Долг крови

* * *

Ночь в Лесу Копий была не похожа на любую другую ночь, которую Кириан помнил.

В Асфрагосе ночь пахла жасмином — запах доносился из садов Верхнего Города даже до Нижнего, где жили Алдароны. Ветер приносил аромат цветов, смешанный с запахом свечного воска из храмов и едва уловимым дымком из пекарен, допекавших последние буханки. В катакомбах ночь пахла сыростью и плесенью — древностью, запечатанной под землёй. Здесь, среди ржавых копий и светящегося мха, ночь пахла озоном. Так пахнет воздух перед грозой — или после удара молнии. Так пахнет магия, применённая здесь в таких количествах, что пропитала саму землю.

Кириан лежал, глядя в небо. Звёзд не было видно — только серая дымка, слабо светившаяся изнутри.

Он сел, и огляделся. Лес Копий на рассвете походил на кладбище великанов. Древки копий под разными углами отбрасывали длинные, перекрещивающиеся тени, двигавшиеся по мере того, как солнце поднималось над горизонтом. Утренний туман с востока стелился между копий, и казалось, земля дышит. Капли росы блестели на ржавых наконечниках — единственное, что здесь было живым.

Мох-кровник, светившийся ночью, потускнел и выглядел как обычный серый лишайник. Только приглядевшись, можно было заметить в его глубине слабое, умирающее свечение.

Ветер шевелил остатки штандартов. Один — с изображением змеи, — тихо звенел металлическими нитями, вплетёнными в ткань. Единственный звук, кроме дыхания Лиры и Кириана. Даже птицы здесь не пели.

Лира дежурила, сидя у костра, и точила нож. Движения у неё были размеренные, почти завораживающие: провести камнем по лезвию, проверить остроту большим пальцем — осторожно, едва касаясь, — снова провести. Искры от кресала вспыхивали в темноте и гасли. Кириан знал, она точит этот нож каждый день, хотя он и так острый как бритва. Не просто уход за оружием — ритуал. Способ занять руки. Способ не думать.

— Ты не спишь, — сказала она, не поднимая глаз.

— Не могу. Слишком много мыслей.

— Каких, о Великий?

— О Пророчестве. О матери. О том, что сказал Старейшина. О том, что я увидел в Колодце. — Он помолчал.

— Моя мать умерла при родах. Я никогда её не знал. Но я слышал её голос в Колодце. И я знаю, каково это — потерять кого-то, кого любишь. Даже если никогда не знал этого человека.

Лира ничего не ответила. Продолжала точить нож, но движения стали медленнее.

— Твоя мать умерла при родах, — сказала наконец. — А я свою знала. Она была Проводницей. Работала в лазарете, как твой отец. Когда началась эпидемия Тумановой лихорадки, она не спала две недели. Лечила всех подряд — богатых и бедных, старых и молодых. Говорила: «Искра не спрашивает, кто достоин. Она просто дает». — Лира провела камнем по лезвию с особым усилием. — А потом заболела сама.

Кириан молчал. Сейчас лучше не перебивать.

— Я отдала ей свою Искру. Всю, до последней капли. Выжала себя, как тряпку. Я думала, если люблю её достаточно сильно, она выживет. — Лира покачала головой. — Она прожила ещё три дня. Три дня. Я думала, этого хватит. Что она поправится. А она просто... ушла. Тихо. Во сне. Улыбалась.

— Ты спасла её, — сказал Кириан. — Не навсегда. Но ты дала ей три дня. Три дня, когда она знала, что её любят.

Лира удивлённо подняла на него глаза.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Я думаю, ты сделала больше, чем могла. Родители не требуют от нас совершенства. Только верности.

— Верности чему?

— Тем, кого мы любим. Друзьям. Себе.

Лира долго молчала. Потом отложила нож и камень.

— И откуда ты такой умный взялся? — сказала она. — Ну прямо ножом по сердцу, а?

Она встала.

— Спи давай. Разбужу тебя на рассвете.

Кириан лёг и закрыл глаза.

Он лежал и думал о том, что только что сказал.

Он верил в это?

Отец верил. Сорок лет целительства — сорок лет, когда каждая исцелённая рана отнимала частицу его жизни — и он продолжал. Не потому что не знал цену, а потому что платил осознанно. «Искра не спрашивает, кто достоин. Она просто даёт» — мать Лиры сказала это, не зная, что Лира запомнит. Отец никогда не говорил этого вслух, но жил именно так.

А он сам? Кириан лежал и слушал ровный скрип камня о лезвие и не мог ответить. Он не знал, верен ли чему-нибудь. Он просто бежал. Просто шёл. Просто говорил слова, казавшиеся правильными в ту секунду, когда их нужно было сказать.

Может быть, это и есть верность — продолжать.

* * *

Солнце поднялось выше, туман начал рассеиваться, открывая дальние ряды копий. Те, что стояли дальше от лагеря, были старше — древки потрескались, наконечники покрылись толстым слоем ржавчины, некоторые сломались под собственной тяжестью и лежали на земле, как поваленные деревья. Между ними рос высокий, жёсткий кустарник с мелкими чёрными ягодами.

Земля здесь тоже была неровная — древняя магия вспучила её, создав гряду невысоких холмов, за которыми ничего не было видно.

Именно оттуда, из-за холмов, и пришёл ветер. Тёплый и сухой — нездешний. И он принёс запах гниющей плоти, присыпанной благовониями.

Ветер переменился.

Кириан почувствовал это первым — движение в руке. В ней что-то резко и тревожно двигалось.

— Лира...

— Я знаю. — Она уже была на ногах, с ножом в руке. — Вставай. Быстро.

Кириан вскочил. Тени между копий шевелились. Утренний свет пробивался сквозь древки, создавая причудливые узоры на земле. И в этих узорах появилось движение.

— Сколько их? — спросил Кириан.

— Пятеро. Может, больше. — Лира принюхалась. — И это не Длань. Я не чувствую Искру. Они пахнут...

— Чем?

— Тьмой.

Первый человек — или тот, кто когда-то был человеком, — выступил из тени. Кириан внимательно рассмотрел его. Длинный плащ с капюшоном, какие носили паломники в старые времена. На груди вышит символ — спираль, уходящая в центр. Лицо изуродовано ритуальными шрамами — порезы на лбу и подбородке складывались в ту же спираль. Закатившиеся глаза — видны только жёлтые белки. На шее — амулет из кости, с палец величиной. Во рту — ни одного зуба, только чёрные дёсны. И всё же он улыбался.

— Разрушитель, — произнёс он скрипучим, как несмазанная дверь, голосом. — Мы ждали тебя.

— Кто вы? — спросил Кириан, хотя ответ уже знал. Он читал о таких в книгах отца: секта, поклоняющаяся Чертогу, как божеству.

— Мы — Дети Последнего Дара, — подтвердил культист, улыбка его стала шире. — Мы служим Воле Чертога. Ты — наш ключ. Ты откроешь Врата и даруешь нам Покой. Не тот, что обещают лжецы из Длани в своих сказках. Настоящий Покой. Растворение. Возвращение в Единое.

— Я не собираюсь ничего открывать.

— Это не тебе решать. — Культист сделал шаг вперёд. Босые ноги, покрытые шрамами не меньше лица, ступали по острой гальке, не чувствуя боли. — Пророчество исполнится. Ты откроешь Чертог. Вопрос лишь в том, добровольно или нет.

Лира встала между ними, выставив нож прямо в глаза культисту.

— Ещё шаг — и перережу твоё горло. Мне плевать, во что ты веришь.

Культист взглянул на неё — сквозь неё — закатившимися глазами.

— Ты — пустая, — сказал он. — Твоя Искра угасла. Ты — ничто. Ты даже не можешь чувствовать. Зачем он тебе?

— Узнать хочешь?

Он сделал жест — остальные четверо двинулись вперёд. Они выходили из-за копий, из-за стволов окаменевших деревьев, из теней, которых здесь не должно было быть. Все — в таких же балахонах, с такими же шрамами и амулетами. В руках — изогнутые серпы.

Лира приняла боевую стойку. Кириан видел её однажды такой — в тоннеле, когда она угрожала ему ножом. То было не всерьёз. Сейчас она двигалась иначе.

Первый культист бросился на неё. Лира ушла в сторону — одно неуловимое движение, — и её нож рассёк ему запястье. Брызнула чёрная, как дёготь, кровь. Культист закричал от ярости — и снова бросился в атаку. Серп рассёк воздух в дюйме от её щеки.

Второй и третий напали одновременно. Лира пригнулась, вогнала нож в бедро второму, но третий схватил её за плечо и швырнул на землю. Нож вылетел из руки, звякнув о камень.

— Лира!

Кириан бросился на них. Тело действовало само.

Он ударил культиста плечом в грудь, сбивая с ног, и тут же получил удар сзади. Перед глазами все поплыло.

Чьи-то руки схватили его за волосы, запрокинув ему голову и обнажив горло.

— Не сопротивляйся, Разрушитель, — прошептал голос над ухом. — Мы не хотим тебя убивать. Мы хотим подарить тебе Покой.

— Идите к Чертогу со своим Покоем, — прорычал Кириан.

Метка вспыхнула болью. А потом — холодом.

«Отпусти... меня...» Не мелодия, не шёпот — слова. Чёткие, осмысленные, полные ярости.

«Отпусти... меня... и я... помогу...» Тот самый голос, что шептал в катакомбах, пел в Лесу Копий, звал из Трещины. И он всегда ему сопротивлялся. Говорил себе: это зло.

Кириан глубоко вздохнул. А потом разжал кулак.

«Выходи» — сказал он.

Холод взрывом хлынул из Метки. Он не чувствовал боли — только освобождение. Будто всю жизнь он сжимал что-то в ладони, и наконец разжал пальцы.

Культист, державший его за волосы, закричал. Руки его разжались.

Из его груди — прямо сквозь балахон, сквозь кожу и рёбра — вышел серый туман. Он обвил культиста, как змея, сжал — и тот упал замертво. Глаза, всё ещё закатившиеся, теперь были не жёлтые, а серые.

Остальные культисты замерли.

— Что ты сделал? — прошептал первый.

Кириан посмотрел на свои руки. Левая светилась серым, призрачным светом.

— Подарил Покой.

Они бросились бежать, спотыкаясь о камни, роняя серпы и натыкаясь на копья. Их подгоняло что-то, что было страшнее самой смерти.

Кириан остался стоять на коленях, глядя на светящуюся руку.

Серый свет медленно гас, пальцы всё ещё дрожали.

Поле боя выглядело странно. Тело культиста лежало на земле, а вокруг мох-кровник начал умирать. Он чернел, скручивался, рассыпаясь пеплом.

Образовался круг мёртвой земли диаметром в несколько шагов. Внутри — только спекшаяся корка. Потом Кириан перевел взгляд на тело культиста.

Он лежал на спине, раскинув руки. Серп выпал из пальцев и воткнулся в землю. Его пустые, серые глаза смотрели в небо. В них не было ничего — ни боли, ни страха, ни ненависти. Только та же серая муть, что он видел у одержимого на площади.

Он убил его. Он, клявшийся не вредить, убил человека!

Кириан ждал, что почувствует ужас, или раскаяние. Но внутри было пусто. И это казалось страшнее всего. Не то, что он убил. А то, что ему было всё равно.

«Я должен был чувствовать хоть что-то», — подумал он.

Лира посмотрела на мёртвый круг и ничего не сказала. Только крепче сжала нож.

Кириан смотрел на чёрную спёкшуюся корку и думал о мхе-кровнике. Серебристом, бархатистом. Отец хранил его в третьей банке слева на полке для настойки номер два.

А Туман, вышедший из Кириана, убил его за секунду.

— Лира, ты в порядке?

Она поднялась, прижимая руку к плечу. Между пальцев сочилась кровь.

— Ты использовал магию, — сказала она. — Я же просила. Никакой магии.

— Я не хотел. Оно само...

— Я знаю. — Она подошла, протянула здоровую руку, помогая подняться. — Ты спас нас. Теперь дай мне бинт, и убираемся отсюда. Длань будет здесь через час. Такое они точно заметят.

Кириан достал из мешка бинт — из тех, что взял из лазарета перед бегством. Руки двигались сами: промыть рану, наложить повязку, затянуть. Лира терпела молча, только раз поморщилась, когда он коснулся особенно чувствительного места.

— Ты хорошо это делаешь, — заметила она.

— Отец научил.

— Хороший был учитель.

— Он жив. — Кириан затянул последний узел. — Просто в плену.

Лира посмотрела на него. Потом кивнула — коротко, почти незаметно.

— Тогда ты должен вернуться за ним. Когда станешь сильнее.

— Вернусь.

* * *

Они начали выбираться из Леса Копий. Лира молчала — рана болела, но она не жаловалась. Кириан тоже молчал, думая о случившемся.

Туман вышел из него сам. Он не призывал его, не контролировал — просто разрешил. И Туман убил. Это пугало больше всего, из того, что случалось с ним раньше.

Наконец они вышли на край Леса Копий. Резкая граница — копья кончались внезапно, будто кто-то провёл черту. Дальше начиналась открытая равнина. Земля здесь была другая: не песок и не щебень, плотная, спекшаяся глина, покрытая сетью трещин.

В трещинах росла сухая, жёсткая трава — колючая, с острыми, как иглы, стеблями. Она царапала ноги даже сквозь плотную ткань штанов.

На горизонте проявилась Стена Тумана. Плотная, клубящаяся завеса, уходящая в небо, переливалась оттенками серого и серебряного. Внутри мелькали тени — неясные, размытые. Иногда тени замирали, словно прислушиваясь, и пропадали.

Ветер здесь дул постоянно. Он приносил мелкую пыль, оседавшую на одежде и лице. Через час пути Кириан почувствовал, как она скрипит на зубах.

— Это граница Некрополиса, — сказала Лира, кивая на Стену. — За ней — земли Скованных.

— Как мы пройдём Стену?

— Там есть ворота. Старые, времён Империи. Если повезёт, нас не заметят. Если не повезёт...

— Тогда что?

— Решим на месте.

И тут они услышали крик. Человеческий. Далеко позади, в Лесу Копий.

На краю леса стояла фигура, махая руками. Коренастая в простой крестьянской одежде.

— Стойте! Подождите меня!

Лира выхватила нож.

— Кто это?

Кириан вгляделся. Широкие плечи, тяжёлый шаг, рука, прижимающая сумку. Такая же, как у него, сумка, только старая, потёртая. Молот на плече...

— Не может быть, — прошептал он. — Это... Варен! Мой друг! — Варен!

— Тот самый, который остался в Асфрагосе? — Лира смотрела на приближающуюся фигуру с недоверием. — Как он здесь оказался?

— Не знаю. Но я должен проверить.

— Стоять. — Лира схватила его за руку. — Мы в Пустоши. Тут нет друзей. Только выжившие. Это может быть ловушка. Или Лжец.

— Какой Лжец?

— Дитя Чертога. Принимают любой облик. Я слышала о таких.

— Да это Варен, говорю же! Я знаю его с детства! — Кириан высвободил руку. — Если ловушка — прикроешь меня.

Он побежал обратно. Лира, выругавшись сквозь зубы, двинулась за ним.

Варен плохо выглядел: одежда разорвана — рубаха висела клочьями. Лицо покрыто царапинами, на лбу глубокая ссадина. Одна рука перевязана окровавленной тряпкой. Увидев Кириана, он расплылся в широкой улыбке.

— Кириан! Живой!

Они столкнулись и обнялись. Варен хлопал его по спине, смеялся, чуть не плакал. От него пахло потом, кровью и гарью, с которой начался этот бесконечный побег.

— Я думал, что ты погиб. Думал, Длань схватила тебя. Я шёл по вашему следу долго! — Варен отстранился, оглядел Кириана. — Ты в сером? Выглядишь как Могильщик. Тебе не идёт.

— Как ты выбрался? — перебил Кириан. — Что с отцом?

Улыбка Варена померкла.

— Твой отец в тюрьме. Будут судить за укрывательство. Мой отец пытался заступиться — его тоже взяли. Длань арестовала всех, кто был связан с твоей семьёй. Всех целителей, соседей, даже госпожу Эйлу. — Он помолчал. — Я не мог там оставаться. Отец сказал идти за тобой.

— Как ты пересёк Пустошь? Один? Без проводника?

— Мне помогли люди. Сказали, они Отвергнутые. Вывели через катакомбы. Они сказали: «Иди на восток. Найдёшь его у Леса Копий». Я пошёл. — Он посмотрел на Лиру. — Это она? Та, что вывела тебя?

— Лира, — представилась она, не двигаясь с места. — Милая история. А теперь вопрос: как ты выжил в Пустоши один? Без оружия, без еды?

— Я же говорю, помогли. Дали хлеба, воды. Сказали, куда идти. Они знали Кириана. Они сказали: «Разрушитель — наша надежда».

Лира фыркнула.

— Прекрасно. Ещё один рот. Ещё одна обуза.

— Я не обуза! — Варен даже не обиделся, а скорее удивился. — Я умею драться. Молотом. Отец отец научил. И готовить умею. И читал много. У меня с собой травы. От простуды. И от страха. — Ты тащил травы через Пустошь? — недоверчиво спросила Лира. — И молот тоже? — Это домашние травы, — Варен со значением похлопал по сумке. — А молот — куда кузнец без молота? Отец сказал, чтобы я взял его собой. — Он посмотрел на Лиру открыто, без вызова. — Отец говорит: кузнец — это такая работа, которая везде нужна. Лошадь подковать, доспех выправить, котелок починить. Пока есть железо — есть и дело для кузнеца. А где дело, там и еда.

Лира посмотрела на Кириана, потом на Варена, снова на Кириана.

— Ладно. Он твой друг. Ты за него отвечаешь. Если он нас предаст, я убью его. И тебя.

— Справедливо, — сказал Кириан.

— Что? — возмутился Варен. — Ты соглашаешься на это?

— Лира спасла мне жизнь дважды. Я ей доверяю.

Варен перевёл взгляд с Кириана на Лиру и обратно. Лицо, покрытое царапинами, выражало сложную гамму чувств.

— Ладно. Я докажу, что мне можно верить. Вот увидите. И чай я вам заварю такой, какого вы никогда не пробовали.

Лира покачала головой и пошла вперёд. Кириан и Варен двинулись за ней.

— Она всегда такая? — тихо спросил Варен.

— Всегда.

— Ты знаешь, мне она уже нравится.

Они двигались на восток. Впереди — Стена Тумана. Позади — тело культиста с серыми глазами. А где-то внутри Кириана — туман, рвущийся наружу.

* * *

На следующий день они вышли к Колодцу Тишины.

Огромная дыра в земле диаметром в сто шагов. Края идеально ровные, словно кто-то вырезал их гигантским ножом. Из дыры не доносилось ни звука. Даже ветер обходил её стороной — Кириан видел, как песчинки, подхваченные его порывом, долетали до невидимой границы и резко меняли направление, словно ударившись о стену. Воздух вокруг колодца был мёртвый — ни запаха, ни движения.

— Не подходи близко, — сказала Лира. — Это Трещина. Самая большая в Пустоши. Если заглянешь — увидишь Чертог.

Но Кириан уже шёл. Ноги сами несли его к краю. Мелодия оглушала, и в этом шуме он слышал голос — не деда, а кого-то третьего. Голос, который он не мог не узнать.

— Кириан! — голос Лиры звучал где-то далеко, как сквозь толщу воды. — Не подходи!

Он остановился на самом краю и заглянул в бездну.

Серый туман, закручивающийся спиралью, уходящий в бесконечность. В этом тумане двигались тени — миллионы теней, кружившихся, сливающихся, распадающихся и снова сливающихся. Души. Души, запертые в Чертоге. Они не кричали — они пели. Ту самую Песнь, которую он слышал с рождения. Которая стала частью его.

И среди душ была одна, смотревшая прямо на него.

«Кириан...» Голос. Он узнал его — не по памяти, по чему-то более глубокому, вросшему в саму его суть. По тембру. По интонации. По любви, звучавшей в этом голосе.

— Мама? — прошептал он.

«Ты вырос... так похож на отца... И глаза его».

— Где ты? Ты в Чертоге?

«Я жду... мы все ждём... Разрушитель... освободи нас...» — Как? — Голос сорвался. — Я не знаю как!

«Узнаешь... когда придёт время... А сейчас... уходи».

За спиной материнской тени, в глубине Чертога, сгущалась тьма. Не туман — абсолютная чернота, двигавшаяся против течения душ, пробивавшаяся к поверхности. И у этой черноты были глаза. Глаза, которые смотрели его.

— КИРИАН!

Лира схватила его за плечо и рванула назад. Он отлетел от края и упал на спину. В ту же секунду из Колодца вырвался столб серого тумана, уходя высоко в небо. Раздался вой — низкий, вибрирующий, от которого задрожала земля. Мелодия Чертога на мгновение стала оглушительной, а потом стихла.

Кириан лежал на земле, глядя в небо. Огромная серая спираль вращалась перед ним, медленно оседая обратно. Перед глазами всё ещё стояло лицо матери — размытое, но живое.

Лира стояла над ним, тяжело дыша. Нож был в руке — она и не помнила, как выхватила его.

— Ты идиот, — выдохнула она. — Ты полный, абсолютный идиот! Я сказала — не подходи! Я сказала — это опасно! Ты что, вообще не слушаешь?

— Я видел мать, — прошептал он. — Она говорила со мной. Сказала, что ждёт. Что все ждут.

— Это не твоя мать. Это Чертог. Он говорит с тобой голосами тех, кого ты любишь. Он знает, как заставить тебя слушать.

— Но это была она. Я знаю. И она сказала — «глаза как у отца».

Лира опустилась на рядом колени и посмотрела на него с состраданием.

— Может быть, и так — сказала она. — А может, это ловушка. Чертог умеет лгать. Он покажет тебе всё, что ты хочешь увидеть. Скажет всё, что хочешь услышать. И когда поверишь ему — он заберёт тебя.

— Но если это правда? Если души действительно ждут?

— Тогда ты должен быть очень осторожен. — Лира встала и протянула руку. — Потому что если ты умрёшь, мы этого не узнаем. Поэтому, пожалуйста, не делай так больше.

Кириан взял её за руку и поднялся на ноги. Колодец позади снова стих.

— Лира, — позвал он, когда они отошли на безопасное расстояние. — Ты когда-нибудь слышала о Чернобоге?

— Ага, из старых сказок. Бог, убивший своего брата. Матери пугают им детей: «Не шали, а то Чернобог заберёт тебя в Чертог». А что?

— Я видел в Колодце черноту. В глубине. Она двигалась. У неё были глаза.

Лира долго молчала. Ветер трепал короткие волосы — она отбросила их со лба нетерпеливым жестом.

— Я не знаю, что это, — сказала наконец. — Но если это то, о чём я думаю... нам нужно идти быстрее. Гораздо быстрее. Потому что есть вещи пострашнее инквизиторов. И одна из них, кажется, заметила тебя.

Они двинулись дальше, оставив Колодец Тишины за спиной. Солнце клонилось к закату. Впереди, на горизонте, темнела полоса — Лес Копий остался позади, начиналась открытая

равнина, ведущая к Стене Тумана. Где-то там, за этой стеной, скрывался Некрополис. И где-то там, в ожидании, находился Вал'Тирин.

Глава 5. За Стеной Тумана

* * *

Стена Тумана была видна за много миль, но вблизи она оказалась совсем не такой, как представлял себе Кириан. Он думал, что стена в прямом смысле — каменная кладка, башни, стражники с алебардами, ров с водой, как в старых книгах о крепостях Империи. У Некрополиса не было стен. У него был Туман.

Он поднимался от земли до неба — плотная, клубящаяся завеса, серая с проблесками серебра. Она не стояла на месте, а медленно текла, как река, поворачивающая вспять, — снизу вверх, от земли к облакам. Внутри мелькали тени — неясные, размытые, как фигуры за матовым стеклом. Иногда тень замирала, словно прислушиваясь. Иногда пропадала. Иногда их становилось больше, и они сливались в одно огромное, бесформенное пятно, медленно ползшее вдоль завесы.

Воздух у Стены был влажным и холодным — не таким, как в Пустоши, где ветер сушил кожу и трескались губы. Здесь и дышалось иначе: каждый вдох — тяжёлый, воздух был пропитан ожиданием и тревогой.

Ровный низкий гул шёл изнутри, из самой Стены. Он напоминал гул морской раковины, которую Кириан однажды видел у торговца на Рыночной площади, — только в тысячу раз ниже. Этот гул был голосом Чертога, и здесь, у его почти ощутимой границы, он звучал громче, чем где-либо ещё.

Земля под ногами тоже изменилась. Спекшаяся глина Пустоши уступила место гладкому, тёмному, как вулканическое стекло камню. Сама почва здесь была обожжена и оплавлена много веков назад, потом застыла, сохранив волнистую текстуру застывшей лавы. Сапоги скользили, и приходилось ступать осторожно.

— Красиво, — прошептал Варен. — И страшно.

Голос прозвучал глухо, как сквозь вату. Он стоял, задрав голову, смотрел на Стену с открытым ртом.

— Всё это смертельно и опасно, — отрезала Лира. Она единственная не смотрела на Стену. — Не подходите близко. Туман здесь живой. Не как в Асфрагосе — там он разбавлен, ослаблен расстоянием. Здесь в полной силе. Если коснёшься без защиты, выпьет тебя за мгновенье. Сначала заберёт тепло — пальцы онемеют. Потом мысли — забудешь, кто ты и зачем пришёл. Потом душу. Даже не заметишь, что умер.

— Как мы тогда пройдём? — спросил Кириан.

— Ворота. — Лира указала вдоль Стены, туда, где серая завеса становилась чуть тоньше. В разрыве между двумя потоками Тумана виднелись очертания рукотворного входа. — Там, где раньше была дорога. Древняя, ещё со времён Империи. Ворота построили маги, создававшие Чертог, — знали, что кому-то когда-то понадобится проходить. Если повезёт, Скованные пропустят.

— А если нет?

— Тогда узнаем, как выглядит Костяной Сад изнутри. А оттуда не возвращаются.

Они двинулись вдоль Стены. Идти пришлось недолго. По пути встречались странные вещи. Сначала — обломки колонн из чёрного камня, поваленные, и покрытые трещинами. Камень был исписан рунами, которые давно погасли. Лира провела по одной пальцем и отдёрнула руку — камень был ледяной.

Потом — статуи. Они стояли вдоль древней дороги: человеческие фигуры в полный рост, они словно были вылеплены из того же чёрного камня. Лица стёрты временем, но позы сохранились. Одна фигура простирала руки к небу, другая склонялась в поклоне, третья держала в руках что-то, давно рассыпавшееся в пыль.

— Какой мастер это создал? — спросил Варен, оценивающе разглядывая статую с простёртыми руками. Камень такой твёрдости голыми руками не возьмёшь.

— Никто не знает, — ответила Лира. — Может, боги. Может, Короли. Может, простые люди, сделавшие что-то важное. В Империи Заката ставили памятники не только правителям, но и учёным, и целителям, и даже садовникам. Говорят, был садовник, вырастивший дерево, дававшее плоды всех деревьев Империи круглый год, и ему поставили памятник в полный рост. А ещё говорят, что есть статуя, которая поёт в пустыне, её сделал мастер в память об умершей дочери. — она помолчала. — Теперь всё это — руины.

Кириан коснулся одной из статуй. Камень под рукой был холодным и шершавым. На мгновение ему показалось, что он почувствовал печаль. Словно статуя помнила, кем была, и хотела, чтобы её вспомнили.

Впереди показались другие руины — две колонны из чёрного камня, покосившиеся, но всё ещё стоящие. Выше, чем Кириан ожидал, — каждая в три человеческих роста. Поверхность была покрыта рунами, слабо светившимися в сером сумраке — светом, похожим на свет гнилушек. За ними Туман расступался, образуя узкий проход — будто кто-то раздвинул завесу руками.

— Вот они, Ворота, — сказала Лира. — Дальше — Некрополис.

Варен сделал шаг вперёд, Лира остановила его.

— Прежде чем войти, нужно кое-что обсудить. — Она повернулась к обоим. — В Некрополисе другие законы. Сила — это право. Слабый — раб. Сильный — господин. Середины нет. Там нет «простого горожанина». Ты либо владеешь магией, либо принадлежишь тому, кто владеет.

— Я не собираюсь быть ни рабом, ни господином, — сказал Кириан.

— Тогда тебя убьют. — Лира посмотрела ему прямо в глаза. — Ты Разрушитель. Сила у тебя огромная, даже если не умеешь ею пользоваться. Скованные почуют это за милю. Одни захотят использовать — как оружие, или разменную монету. Другие — уничтожить, чтобы не достался конкурентам. Никто не захочет быть другом.

— Кроме нас, — вставил Варен, поправляя лямку мешка. Молот на плече качнулся. — Хотя если в Некрополисе кормят так же плохо, как в Пустоши, я лично рискую предать первым.

— Посмотрим, — ответила Лира без уверенности.

— Ты уже говорила это, — заметил Варен. — В Пустоши. Когда я вас догнал.

— И ты пока не предал. Но мы ещё даже не вошли. Когда будете проходить, ни о чем не думайте, кроме того, что вам нужно пройти через ворота.

Она первой шагнула в проход. Варен — за ней. Кириан на мгновение задержался, глядя на на руны на колоннах. Он не знал, что они означают, но чувствовал: они узнали его. Они ждали. Может быть, не его конкретно — но такого, как он. Разрушителя.

И он шагнул в Туман.

* * *

Холод пронизал до костей. Метка на левом предплечье вспыхнула болью.

Кириан вскрикнул, но звук утонул в Тумане, поглощённый им.

В ушах зазвенело. Перед глазами поплыли образы — обрывки, вспышки, лица. Отец в камере, бледный, с запёкшейся кровью на лбу. Лира — мёртвая, с пустыми, пепельными глазами. Он сам — но другой, с горящей Меткой, с глазами, полными тьмы. Варен, отворачивающийся и уходящий в темноту.

Образы множились, наслаивались друг на друга, как страницы книги, которую рвут и склеивают заново в неверном порядке. Кириан пытался удержаться за что-нибудь — за голос отца, за лицо Лиры, — но они таяли, расплывались, как краски под дождём. Он перестал чувствовать своё тело. Не было рук, не было ног. Не было груди, в которой билось сердце. Только сознание, висящее в пустоте, как светлячок в бездонном колодце.

«Кто я?» — подумал он. И не нашёл ответа.

Имя — было ли у него имя? Кажется, да. Кириан. Или нет? Может, Разрушитель. Может, просто — оружие. Ключ. Инструмент. Он не знал, сколько это длилось. Миг. Вечность. Что-то среднее, чему нет названия в языке живых.

А потом он услышал голос. Свой собственный. Тот, который он не слышал никогда — что звучал в нём, когда он ещё не знал слов.

«Я Кириан».

Он вцепился в этот голос, как в спасательный трос — и потянул себя обратно из пустоты.

«Я жив», — подумал Кириан.

Кругом него были голоса. Сотни, тысячи голосов. Они шептали, кричали, молили, проклинали.

«Разрушитель... Разрушитель пришёл... Освободи нас... Спаси нас... Убей нас...» А потом всё стихло.

Кириан открыл глаза. Он стоял на той же дороге — древние камни под ногами, те же колонны за спиной. Но мир изменился.

Небо над Некрополисом было чёрным, как уголь – бездна в закрытых глазах мертвеца. На этом фоне висели облака Тумана — огромные, клубящиеся, слабо светившиеся изнутри своим серебристым светом. Они двигались медленно, величественно, как живые существа, и от них исходило ровное, пульсирующее сияние, заменявшее здесь солнце.

Земля под ногами была спекшаяся, потрескавшаяся, с вкраплениями чёрного стекла — только здесь его было меньше. Вдоль дороги росли странные растения: серые, чёрные и фиолетовые. Один из кустов с длинными, как щупальца, ветвями медленно повернулся в сторону путников, словно принюхиваясь к ним. Деревья стояли без листьев, а их ветви были причудливо закручены, словно их сплела неведомая сила. От них исходил тонкий, пряный аромат, напоминающий запах старых книг.

— Это... — начал Варен и осёкся.

— Некрополис, — закончила Лира. — Земля, где смерть научилась расти.

— Вы ничего странного не ощутили? — спросил Кириан.

— Я словно оказался в кошмарном сне, – ответил Варен – всё вокруг меня двигалось, словно в водовороте... — Он посмотрел на Лиру и продолжил: — Ты лежала на земле, словно мёртвая, а я убегал от вас.

Лира покачала головой:

— Каждый видит своё, когда проходит через ворота Тумана.

Они двинулись по дороге. Древние камни под ногами были истёрты тысячами ног — когда-то здесь проходили караваны, шли армии, ехали повозки. Теперь дорога была пуста. Лишь ветер доносил отголоски жизни: где-то звенел металл, раздавался собачий лай. Иногда слышался низкий вибрирующий гул, от которого дрожали камни.

— Где все? — спросил Кириан.

— Прячутся. Или наблюдают. Скованные не любят гостей. Особенно с Искрой.

— У меня нет Искры. Только Тьма.

— В тебе и то, и другое, умник. И они это чуют. — Лира покрутила головой, всматриваясь в тени между деревьями. — Нас уже заметили. Я чувствую взгляды. Они ждут, когда мы сделаем ошибку.

— Что будем делать? — спросил Варен, взвешивая молот в руке, как взвешивают заготовку перед ковкой — прикидывая, куда бить.

— Представимся. Скажем, что идём к Вал'Тирину. Его имя может защитить — или сделать мишенью. Зависит от того, кто нас встретит.

Словно в ответ на её слова, дорога впереди задрожала.

Из земли, которая, казалось, не могла родить ничего живого, начали пробиваться ростки. Чёрные, блестящие, с острыми, как иглы, листьями. Они росли с невероятной скоростью — Кириан видел, как один, толщиной с палец, вырвался из трещины в камне и за три удара сердца вытянулся на высоту человеческого роста. Растения сплетались, перекрещивались, образовывали живую стену, преградившую путь. От них исходил слабый, едва уловимый запах — животный, как запах мокрой шерсти.

— Костяный Сад, — прошептала Лира, голос дрогнул. — Это Морвенна. Она знает, что мы здесь.

Из-за живой стены вышли трое. В чёрных доспехах с серебряными вставками — доспехи выглядели одновременно древними и новыми, будто их перековывали много раз, добавляя новые пластины поверх старых. Лица скрывали шлемы в форме черепов — глазницы горели красным светом. В руках жезлы, увенчанные кристаллами. От доспехов исходил слабый гул — такой же, как от Стены Тумана, только тише.

— Разрушитель, — произнёс первый стражник. Голос из-под шлема был такой глухой, искажённый, словно говорил не человек, а сам доспех. — Госпожа Морвенна приглашает тебя в Башню Костяного Сада.

— Если она хочет говорить, пусть приходит сама.

Стражники едва заметно переглянулись, но Кириан уловил. Тот, что говорил, сделал шаг вперёд.

— У меня приказ доставить тебя живым. Но про твоих спутников ничего сказано не было.

Лира выхватила нож. Варен поднял молот, и его обычно добродушное лицо стало суровым.

— Кириан, — тихо сказала Лира, — сейчас самое время использовать то, что ты использовал в Лесу Копий. Если сможешь повторить.

— Я не знаю как. Прошлый раз само вышло.

— Тогда узнай. Быстро!

Стражник взмахнул жезлом, серый луч ударил в камень за спиной Кириана. Камень не раскололся — испарился, оставив оплавленную воронку с дымящимися краями. Запахло горелым — едким, химическим, будто горела не земля, что-то другое.

Варен метнул молот — но стражник легко уклонился, скользнув в сторону размытым силуэтом.

— Бесполезно, — сказал стражник. — Броня из кости глубинника, зачарованная госпожой.

Лира бросилась вперёд, целясь в сочленение доспеха на шее — тонкую полоску между шлемом и нагрудником, — но второй стражник перехватил её, ударив древком жезла по руке. Лира отскочила, прижимая ушибленную руку к груди, и перехватив нож здоровой рукой, встала между Кирианом и стражниками.

Кириан закрыл глаза. Он потянулся к Метке — и почувствовал, как она отзывается. Холод растёкся по предплечью, поднялся к плечу, к шее, к вискам. Гул Чертога стал громче.

«Ты слышишь меня?» Ответ пришёл мгновенно — волна холода, знакомая мелодия, и голос.

«Отпусти... меня...» «Я не знаю как. Научи».

«Просто... открой... дверь...» Кириан открыл глаза. Левая рука светилась. Туман струился с пальцев, закручиваясь вокруг тела спиралью, как живое существо.

— Что ты... — Стражник попятился. В голосе — даже искажённом шлемом — послышался страх.

Кириан разжал ладонь.

Туман вырвался волной — плотной, осязаемой, похожей на морской прибой, и ударил в живую стену, преграждавшую путь. Ветви начали увядать, чернеть, рассыпаться в прах. Чёрные

листья опадали, не долетая до земли, истаивая серым дымом. За несколько секунд живая стена превратилась в груду мёртвых, скрученных стеблей.

— Ну хватит! — крикнул кто-то.

На дороге, в двадцати шагах от них, стояла фигура. Человек в тёмно-синем плаще с капюшоном. Не из стражников — те всё ещё стояли, оцепенев, не зная, нападать или бежать. Этот был другим. Жезл увенчан навершием в виде змеи, который Кириан уже видел на штандартах в Лесу Копий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.